

Макс медленно пытался открыть глаза, с трудом разлепляя тяжёлые веки. Всё что он увидел, это была, темнота и просачивающиеся сквозь неё не чёткие очертания предметов. Он цеплялся за них взглядом, стараясь вернуть утерянную реальность, но мозг играл с ним в игры: то, проваливаясь в обволакивающую пустоту, где чувства и ощущения исчезали сами собой, то, выныривая на поверхность как воздушный шарик. Первое что он понял так это то, что не ощущает своего тела, а из-за темноты просто его не находит. Было немного жутковато и даже больно от тщетного старания остановиться на одном месте и сложить все обрывки реальности в единый образ. «Наверное, так чувствуют себя парализованные люди», - думал он.

- Не бойся, всё нормально,- сказал, чей то голосок из темноты,- Тебе ввели такое лекарство, от которого долго отходишь, я знаю, я часто наблюдала, только другие бились как в припадке, а ты вроде ничего.

-Бились в припадке!? Понимаю! А ты тут давно?- спросил Макс первое, что пришло ему в голову.

-Вообще то с самого начала,- ответил голос, и где-то рядом загромыхал стул от резкого движения, потом послышались мелкие, торопливые шаги, и тихое шиканье - Кыш, кыш, уходите противные.

Видно этот шум разбудил ещё кого-то в темноте.

-Глашенька, ты бы легла, поспала, но, сколько можно караулить, очнется он, ни чего с ним не случится! Голос был дряблый и уставший.

-Тише вы, дедушка, он уже проснулся,- Глаша даже притопнула, как будто сказали что-то лишнее.

-Очнулся! Ну, вот и хорошо. Вы знаете,- обратился к Макс из темноты ещё один голос, принадлежавший видно соседнему старичку («похоже, нас здесь много - в темноте», - подумалось Макс). - Она ведь, Глашенька, глаз не сомкнула, сядет на стул, обнимет коленки руками и сидит, наблюдает. У неё мать в ночную смену санитаркою работает, вот и не с кем ребёнок оставить. А Глашенька она, где свободно там и переночует. Все её тут знают, кто уроки поможет выучить, кто байки какие расскажет. А от вас она ни на минуту не отходила, я ей говорю: «Ты бы поспала», - а она в ответ; «Вот он очнется, кто ему поможет, кто утешит; ведь нужно, чтобы кто-то был рядом».

Тут послышались быстрые шаги, и где-то совсем близко скрипнула дверь.

-Вы всё рассказываете, дедушка!?

-Что ты, Глашенька, уже молчу.

Голос Глаши, похоже, обиделся, и на некоторое время наступила тишина. Только не большое шуршание и поскрипывания стула, выдавало его местонахождение.

Максу ещё трудно было поддерживать разговор, мысли путались, да и голос не **слушался**. Но он собрался и спросил как можно более заинтересованно:

-А кого ты там прогоняла?

Голос как будто только и ждал, что бы с ним заговорили:

-Да это бродячие коты. Знаешь, у меня есть кошка, хорошая такая, пушистая, я её подкармливаю, а коты бродячие всё съедают и откуда они только берутся. А Капа - это моя кошка.

- Странное имя.- Макс потихоньку стал различать силуэты предметов, видно на улице стало светать.

- Это сокращённо от капельницы. Её так мама, шутя, назвала, вот и прицепилось к ней Капа, Капа. Так вот, я её кормлю, а она сразу не ест, держится на расстоянии - сидит, наблюдает, а потом подойдёт - мурлычет и трётся об ноги, ласково так, - благодарит.

- Ты это о ком? О Капе?- вмешался в разговор голос старичка - Ох, и досужая кошка, сладу с ней, ни какого, нет. Бывает, сунешь руку в шкафчик за лекарством, а она тебя как цапнет, и как она туда только залазит, - проворчал он, кряхтя, поднимаясь с кровати, ногами ощупывая пол в поисках убежавших тапочек. - Схожу-ка я в соседнюю палату, Кузьмича навещу.

- Это она по ласке людской соскучилась, дедушка, вот вы на неё не ругайтесь, а погладьте - она и не будет вас кусать.

Похоже у Глаши на всё были свои ответы.

Разговор о Капе мог продолжаться бесконечно, если бы не строгий женский голос за дверью:

- Агата, ты опять пристаешь к пациентам!?

Глаша сразу притихла и выжидательно насторожилась, прислушиваясь к удаляющимся шагам.

Прошло несколько секунд или минут, как Макс послышался тихий шорох рядом с его подушкой, и детский голосок прошептал ему прямо в самое ухо:

- А знаешь, что здесь живут приведения. Они появляются из палаты интенсивной терапии и часто гасят свет в коридоре, поэтому я очень боюсь ходить в том месте. Мама ругается, а мне всё равно страшно. Однажды туда завели пациента.

Сначала было тихо, я даже прислушиваться устала, а потом что-то резко щёлкнуло, словно поломанный переключатель и зашумело как двигатель автомобиля. У меня даже уши заложило - не от громкости, а скорее от силы приглушённости. Я всё ждала, что же будет дальше, и от двери не отходила. Когда больного наконец-таки вынесли на носилках, и положили в соседнюю палату, дожидая пока врачи уйдут, я подкралась поближе, что бы посмотреть. Больше всего запомнился неестественно белый цвет его кожи и слюни ниткой стекающие по лицу около рта. Мне захотелось дотронуться до безвольно опущенной руки - проверить, жив он или нет, как глаза на онемевшем лице резко открылись, отражая слепую пустоту, а тело дёрнулось, выгибаясь дугой. Я испугалась и убежала. Мама говорит, что это естественная реакция. А, я думаю - это в нём борьба жизни со смертью происходила. Только потом он всё равно умер. Вот я теперь и боюсь мимо той двери проходить. Ты же веришь мне, правда?

- Правда,- ответил Макс.

Он слушал и думал, как может ребёнок с его наивной непосредственностью, так легко и просто давать объяснения совсем не простым вещам.

- А ещё был случай, - не унималась Агата, - больного накачали всякими антидепрессантами и снотворным, чтобы он проспал как минимум дня два, а когда врачи делали осмотр, и медсестра подошла проверить пульс, он вдруг резко сел на кровать. Казалось, тело спит, а кто-то внутри решил воспользоваться им в своих целях как безжизненной куклой. Красные глаза уставились на онемевшую медсестру, а чужой потусторонний голос, сначала говорил на не понятном языке так, что всех в палате прошиб холодный пот, но когда зазвучали слова проклятия, словно магическое заклинание, медсестра, заткнув уши, выбежала в коридор. Те, кто остались, потом говорили, что как только он всех проклял, пациент опять отключился и заснул, как ни в чем, ни бывало.

- Откуда ты всё это знаешь!?- удивился Максим. У него складывалось впечатление, что мир этой девочки состоит только из таких вот историй.

- Мама рассказывала другим медсёстрам, а я подслушивала.

Макс попытался показать, что ему не безразлично, все, что говорила Глаша, и не вольно сделал движение рукой. Агата видно это заметила и тихонько зататорила:

- Я сейчас помогу. Сожми мою ладонь, и ты почувствуешь, как онемение проходит, и твоя рука снова будет ощутима - это как судорога, на больную ногу надо сразу наступить. - Говоря это, она крепко сжала его обессиленную руку. И Макс ощутил прохладное, не навязчивое рукопожатие. Это было так трогательно, так по-детски, без расспросов и уговоров - просто делай, так, как я сказала и всё будет хорошо. Ему ещё подумалось, - кто есть кто в этой ситуации.

Он не торопливо, аккуратно постарался сжать детскую ладошку так наивно доверившуюся ему. Пальцы медленно задвигались, и по руке потекла колючая теплота.

- Ага, - взвизгнула Агата, - получается! Что я говорила!

В палате стало значительно светлее, и Максим наклонил голову, чтобы увидеть Глашу. На удивление, это не составило ему ни какого труда. Перед ним была девочка лет одиннадцати, с острым личиком и соломенными волосами. Зелёные глаза, обрамлённые тёмными, густыми ресницами торжествовали. И вся она была в таком восторге, как будто только что вылечила смертельно - больного.

- Ну, здравствуй, Агата! - сказал Макс и чуть-чуть привстал, чтобы осмотреть палату. Агата хотела, что-то ответить, но её внимание привлекла Капа, которая, озираясь, на полусогнутых лапах, протирая пузом пол, прокладывала себе дорогу к заветной тумбочке. Макс и девочка с интересом наблюдали, что же она будет делать дальше. А кошка, тем временем подползая к шкафчику, лапой открыла дверцу и скрылась внутри. Глаша уже хотела вытащить её из злосчастного ящика, но тут шаркающей походкой зашёл дедушка- хозяин заветного тайника. Надо заметить, что это был довольно-таки дряхлый старичок с весёлым лицом. Держа подмышкой газету, он медленно направлялся в сторону Капы. Агата от неожиданности открыла рот и не знала что делать. Макс и сам не знал, как поступить в такой ситуации: ему было жалко и кошку, и Агату, да и дедушку. И вообще вся эта игра в детство его очень забавляла.

Старичок тем временем удобно уселся на кровати и хотел открыть тумбочку. Но тут Глаша, поддавшись единому порыву, взвизгнула так, что у Макса зазвенело в ушах:

- Дедушка не открывайте, там же Капа!

Старичок на редкость спокойно прореагировал на выпад девочки:

- Где? В тумбочке!? Вот я ей сейчас усы повьдёргиваю!- и сделал вид, что хочет достать кошку.

- Беги, Капа, беги! - закричала Агата. Кошка и так чувствуя неладное, услышав дикие вопли, заметалась в тумбочке, переворачивая пузырьки, и шурша газетами, наконец-таки вырвалась наружу. Как безумная, пробежав по палате, и запрыгнув на кровать какому то храпящему мумифицированному пациенту, безучастному ко всему происходившему, выпрыгнула в форточку.

На следующий день погода совсем раскапризничалась. Моросил мелкий брезгливый дождик, разгоняя и так малочисленных прохожих. От сточных люков поднимался горячий пар; и бродячие коты и собаки, заключив временное перемирие, свернувшись клубочком, дрейфовали на крышках от этих люков как на разрозненных островах. Медсёстры в белых чепчиках и в накинутах наспех пальто, сжимая в замёрзших руках заветные пластмассовые кейсы с отличительными красными крестами, перебегая от одной секции к другой, занялись утренними сборами анализов. Казалось, что больница, не смотря на осеннюю промозглость, как единый живой организм начинала свою утреннюю работу.

Осенняя сырость, просачиваясь сквозь поры кирпичной кладки, проникала и в больничные палаты, придавая и без того тяжёлой атмосфере болезненную нервозность. Батареи, кряхтя от натуги, грели в пол силы. Да и то тепло, и надышанный согревающий воздух, безжалостно выдувались холодным ветром из щелей, перекосившихся оконных рам. Пациенты скорчившись, грелись под тёплыми одеялами.

Агата подтащив, упирающуюся всеми четырьмя ногами табуретку, с неподдельной деловитостью, оккупировала, пустую тумбочку Максима, перевоплотившуюся на некоторое время в учебическую парту. На удивлённую тумбочку было вывалено всё содержимое школьного ранца. Учебники Агата отложила отдельно. Тетради, стопочкой примостились возле красивого, разрисованного всякими зверушками, пенала.

Максим с интересом наблюдал за аккуратной суетливостью Агаты. А она тем временем поудобнее устроилась на табуретке; поёрзав на ней некоторое время, и подперев щёки кулачками, затихла над раскрытым учебником, изредка шевеля губами, словно проговаривая про себя не понятные фразы.

От скуки Макс взял первую попавшуюся тетрадку, на удивление она оказалась чистой. Разлинованная пустота страниц

притягивала своей недосказанностью. Он пристально смотрел на неё, как будто стараясь разглядеть зашифрованное трёхмерное изображение. Рука сама потянулась к глянцевой упаковке фломастеров. Взяв один - чёрный, Макс тихо положил набор на место.

Поставив чёрную точку, развенчивая тем самым застоявшуюся чистоту, он подумал: «Как же давно я не рисовал». И длинные пальцы, вцепившись в скользкий холодный пластик, запорхали по бумаге.

Гибкие линии - тонкие как волос, плавно переходящие в сочные изгибы, от наслаждения поскрипывали, соприкасаясь с поверхностью листа. Мелкие штрихи суетливо убегали от своего хозяина, рискуя вывалиться за пределы формата. Вскоре на Максима с интересом поглядывал лохматый добродушный пёс, вылизывая переднюю лапу.

-Из пункта А в пункт В выехал велосипедист. - Читала вслух Агата, но, заметив, что Максим так увлечённо рисует в её тетради, бросила учебник и подсела к нему сбоку.

- Ой, какой дурашка,- вскрикнула она, увидев щенка с грустными глазами и мокрым носом.
- Знакомься - это Агата, - сказал Макс нарисованному псу. - Агата это -... как же его назвать? Пусть будет Новичок.
- Новичок, какое странное имя.
- Тогда назови его сама.

Новичок с любопытством смотрел на Глашу, наклонив набок лохматую мордашку и дружелюбно виляя хвостом.

- Ну не знаю... ? А ему там не одиноко?
- Это можно легко исправить.

И один за другим стали появляться разнообразные персонажи. Из-за кустов вылезла глуповатая лягушка, в длинной шее запутался испуганный жираф, еле переваливаясь с одной лапы на другую, ковыляли толстые пингвины. Скоро в тетрадке стоял шум и гам расшалившихся животных, Макс всё рисовал, а Агата каждый раз подпрыгивала и хлопала в ладоши. Вдруг на бумагу упала жирная, красная капля. Все сразу притихли. Новичок чихнул и спрятался на другой странице. Максим остановился и с удивлением смотрел на свои руки, которые совсем перепачкались в крови. Он пришёл в себя только тогда, когда Агата испуганно закричала:

- Макс у тебя из носа идёт кровь. Потерпи, я сейчас позову кого-нибудь из врачей. - И она спрыгнула с кровати, чтобы бежать,
- Подожди. Не надо. Всё нормально,- Он резко схватил её за руку. - Всё хорошо.
- Всё хорошо!? Ты шутишь. У тебя из носа идёт кровь!
- Сейчас пройдёт. У меня и раньше такое бывало. Лучше принеси мокрое полотенце, ладно, - Сказал Макс, запрокидывая голову и подмигивая Агате, чтобы успокоить.
- Точно было? - Она всё ещё сомневалась.
- Мне что тебе поклясться? - улыбнулся Макс, закрывая нос рукой.
- Не надо,- Пробурчала Агата, подставляя под кран скомканную полотняную салфетку.
- У же проходит.

Он прижал к переносице мокрую тряпку, которая моментально окрасилась в розовый цвет.

Тут в дверь торопливо постучались, и из-за дверного проёма высунулась любопытная физиономия Антона.

- Здравствуйте, все, кого не видел. Привет Макс, как поживаешь старина? «Чуть свет - уж на ногах! и я у ваших ног». Вот соскучился и решил навестить своего многострадального друга. - Полушутя поприветствовал он Максима, проходя в палату и распространяя как шлейф самых дорогих духов, холодный запах уличной сырости и дорожной размокшей пыли. Агата заметила, как Максим торопливо отшвырнул испачканную салфетку за кровать, и несколько раз втянув в себя воздух, провёл рукою, определяя, есть ли ещё следы крови,

- Чево это вы замерли, как будто только что услышали «К нам едет ревизор»?

Антон смотрел то на Макса, то на Агату.

- Я, что не вовремя?
- Да перестань ты. Проходи, садись.
- А у меня для тебя подарок,- и Антон аккуратно достал из-за пазухи бумажного журавлика. Агата, тайком разглядывавшая странного посетителя, с удивлением уставилась на белую фигурку остроконечной птицы.
- На улице дождь, а мой бумажный друг, страх как не любит воды, сам понимаешь, вот и пришлось ему ютиться всю дорогу под курткой. - Антон расправил у журавлика помятые крылья. - Ну, вот теперь как новенький. И он протянул Максиму, испуганную птичку.
- Спасибо.

Макс с грустью разглядывал фигурно-согнутый лист бумаги, держа его в ладонях как настоящую живую пичужку, казалось, ждал, будто она замашет крыльями и взлетит. Потом вдруг тряхнул головой, словно что-то вспомнил.

- Я же вас не представил! Агата - это Антон, мой чудаковатый друг. Антон - это Агата, самая заботливая сиделка из всего медперсонала.

Антон повернулся в сторону Глаши:

-Приятно познакомиться, - и хотел по-дружески пожать руку. Но девочка резко развернулась, и, подойдя к тумбочке с учебниками, усевшись на табуретку, демонстративно уставилась в книгу, всем своим видом давая понять, что она занята изучением уроков. Антон с удивлением посмотрел на Максима, а, подойдя поближе, тихо спросил:

- Это, что ещё за чудо-юдо?

Макс задумчиво посмотрел на Агату и улыбнулся:

- Вот когда познакомишься поближе, она тебе обязательно понравится.

- Ладно. Что-то ты бледный, какой то, словно «не от мира сего». Ты нормально себя чувствуешь?
- Нормально. Какие новости с «большой земли»?
- Всё по-прежнему, скука, да и только. Кстати тебя искали двое с третьего курса, какие то книги хотели взять. Я сказал, что ты уехал домой, на время.

Максим подозрительно посмотрел на Антона:

- Почему про больницу не сказал?
- Слушай, зачем тебе лишние проблемы, и так все косятся.
- Всё равно узнают, а оттого, что скрыть хотел, вообще слухи пойдут о моей невменяемости. Да ладно это всё пустяки, так даже интересней.
- Интересней, ты что смеёшься, куда уж ещё интереснее. Я и не подумал о таком повороте событий. - Антон озабоченно почесал затылок.

- Не бери в голову, это всего лишь мои домыслы.

Макс всё ещё разглядывал бумажного журавлика.

- Забыл совсем, тебя эта чокнутая искала - вот по ком, уж точно психбольница плачет.

Антон замолчал и задумался о чём-то. Потом резко подпрыгнул на стуле, так, что даже Агата вздрогнула:

- Я же тебе не сказал. Ну и консьержка у тебя, не женщина, а «цербер» в юбке. Хотел в твою квартиру попасть, репродукции кое-какие забрать, так она прямо из-под земли передо мною выросла. Тычет в меня пальцем и говорит: «Вам куда, молодой человек?» Будто она не знает, что я только к тебе прихожу. Я сначала растерялся, потом отвечаю: «В квартиру 127, к другу». А она с таким ехидным прищуром: «Вашего друга сейчас нету дома, приходите попозже». Я ей: «У меня есть ключ, мне нужно вещи кое-какие забрать», и пытаюсь протиснуться между стеной и нависающей, глыбоподобной фигурой. - «Вот Максим вернётся, вы с ним и обсудите какие вещи и когда забирать», и напирает своим весом. Так что пришлось уступить, она ведь всего лишь слабая женщина.

- Клавдия Васильевна всегда отличалась своей прямолинейностью. Вообще то, я думаю, она относится к тем женщинам, которые «коня на скаку остановят, в горящую избу войдут».- Максим не надолго задумался:

- Один раз; стук в дверь, открываю, на пороге стоит Клавдия Васильевна в руках тарелка с пирожками. «Ты не занят?» - Спрашивает: «Тогда я зайду». И не дожидаясь ответа, проходит в комнату. Я первым делом подумал, всё выселяют, уже стал планировать, куда пойти переночевать. А она подождала пока дверь закрою и строгим голосом говорит: «Ешь!» - показывая взглядом на пирожки. Я сначала удивился, не пойму к чему это. Она опять: «Ешь!»

- «Спасибо, я не хочу».

- «Пока не съешь, я с этого места не сдвинусь», - и продолжает. - «Все вы гордые такие. Вот и сын мой уехал в город - говорит, поеду денег заработаю, не всю же жизнь за твою юбку держаться. И уехал. На десять лет. Ни звонка, ни письма. Только недавно узнала от друзей его - собутыльников, что бомжевал он, побирался, так и помер бомжем под забором, а ко мне домой не вернулся, стыдно. Так неужели родная мать хуже смерти?»

Я стоял и думал, сколько лет, я каждый день проходил мимо этой женщины - спокойной, тихой; здоровался, обменивался обычными фразами, и не подозревал, сколько боли таиться в этом спокойствии.

-« Наверное, просто боялся признаться вам, да и себе, что сделал не правильный выбор, - слышу вдруг свои слова, как мысли вслух, - что если, приползю к вам, униженный, грязный и оборванный, - вы простите его, и будите любить ещё сильнее. А что будет чувствовать он? Будет ли, он, любить себя?» Она смотрела на меня глазами полными слёз: «Больше всего мне больно, что никто не накормил его, когда он голодал; не утешил, когда он в этом нуждался; никто не держал за руку, когда он умирал».

И эта сильная женщина сидела и спокойно наблюдала за тем, как я ел её пирожки, которые она пекла, думая, о своём сыне. Вот такая у меня консьержка. Антон молчал. Агата, давно забросив учебники, заморожено смотрела на Максима.

Предательская слабость растеклась как расплавленный свинец во всём теле и закрыв глаза, он медленно облокотился о спинку кровати. Сильнейший спазм тисками сдавил вески, казалось ещё чуть- чуть и мысли потекут горячими слезами из глаз. Боль, как невидимый мучитель, доводя свои пытки до искусства, звучала в голове с промежуточностью азбуки Морзе. Каждый раз, принимая её с остервенелой обречённостью, Макс со всей силы сжимал кулаки, захватывая сухую помятость одеяла, нарочно передавая ему свои мучения. Он не ощущал времени, потому что, его боль не имела пространственного ограничения и временного предела. Поэтому когда спазмы стали стихать, Макс увидел, что вокруг ничего не изменилось, словно прожив в аду маленькую жизнь, он вернулся туда, откуда всё началось.

Антон не решительно тронул его за руку.

- Мы решили, что ты устал, и не стали тебя беспокоить.

- Да, наверное, я устал. - И Макс только сейчас почувствовал маленький бумажный комочек в кулаке. Медленно разжав ладонь, он смотрел на смятого журавлика, как великан смотрел бы на горячо любимую зверушку, случайно раздавленную от переизбытка чувств. Комочек выпал из рук и покатился по одеялу.

Заметив внутреннюю напряжённость Максима, Антон весело сказал:

- Был журавлик молодой, а сейчас станет пожилой. Все с возрастом меняются, правда, Агата?

- Не мне судить, - сухо отозвалась Агата, продолжая с интересом наблюдать, как Антон играючи возвращает журавлику его первоначальную форму.

- Ну, что, старина, с возвращением, - и Антон легонько щёлкнул его по носу.

- Не обижай его, - неожиданно воскликнула Глаша, и торопливо спрыгнув с табуретки, выхватила из рук удивлённого Антона, перепуганную птичку.

- Думаю его нужно выпустить на волю, - проговорил вдруг Максим, словно мыслил в слух.
- На волю!? Он же промокнет, его втопчут в грязь. - Агате, было так жалко бумажного журавлика, что она даже всхлипнула.
- Зато он полетит как настоящий, и в полёте обретёт свою не придуманную свободу. - Макс смотрел, куда то в пустоту, словно завидуя этому клочку бумаги.
- Я, за, - крикнул, вставая, Антон. Максим тоже поднялся, подходя к Агате.
- Из щелей безжалостно дуло. Три фигуры на фоне плачущего окна казались инородными в этом помещении, в этой больнице, в этом мире.
- Ну, что, выпускай. - Антон развернулся в сторону Агаты.
- Не могу.
- Тогда просто разожми ладонь в открытое окно, - сказал Макс, открывая скрипучие створки.

В палату ворвался холодный воздух. Кто-то из пациентов, что-то проворчал, кто-то закутался посильнее в не греющее одеяло. Рука девочки, подрагивая вместе с бумажной фигуркой, так уютно уюстившись на тёплой ладошке, потянулась в пугающую безграничность осени. И журавлик, почувствовав долгожданную свободу, востепенно, замахал крыльями и полетел, обгоняя воздушные потоки. Они ещё долго видели, как ветер держал в своих объятиях, трепыхающийся белый листок бумаги, ускользающий всё дальше и дальше, - белая точка на сером истлевшем небе.

Вдруг, какое-то бесформенное существо под кучей небрежно смятого одеяла, лежавшее ближе всех к окну, по-детски всхлипнуло:

- Птичка. Убили птичку, - и потянуло на себя ветхое тряпье, обнажая тем самым сморщенные ноги. Агата развернулась и спокойным голосом проговорила:

- Ну, всё, мне пора в школу. - Подойдя к тумбочке, стала резкими движениями собирать учебники. От такой неловкой поспешности, упала ручка, звонко ударившись об пол, закатилась под кровать.

Максим, оперевшись спиной о стену, сложив руки на груди, с немой молчаливостью наблюдал за едва сдерживаемой вспышкой гнева. Устало, вздохнув, с не малым усилием оторвавшись от стены, он медленно подошёл и поднял ручку.

- Послушай, Агата, - голос был тихий и успокаивающий, пальцы слегка касались её плеча, - это всего лишь клочок бумаги. Жизнь в него вдохнула ты. Твоя вера сделала из простого тетрадного листа настоящую живую птицу. Намокла под дождём только бумажная обёртка, их много валяется вдоль дороги, а твой журавлик улетел, и сейчас далеко, и самое главное на свободе.

- Правда? - глаза девочки дрожащими звёздами смотрели на Максима.

-Да.

Успокоившись, Агата дособирила свой ранец, и натягивая пальто, спросила:

-А ты проводишь меня до входной двери? Мне одной страшно.

- Эй, ребята, а вы про меня не забыли? - напомнил о себе Антон, - и чего так боится эта маленькая девочка?

- Палаты Интенсивной терапии. Надо её проводить. - Макс уже натягивал на себя больничный халат.

- Не вопрос, проводим, только чего там боятся, уж не заблудших ли душ, а может живых мертвецов? - попытался пошутить Антон.

Глаша, смерила его безразличным взглядом, давая понять, что она хоть и намного младше, а знает такие серьёзные вещи, о которых он - взрослый, даже не догадывается.

- Ну, что, пошли, - сказал Максим, открывая дверь, пропуская их вперёд.

Шагая втроём по коридору, каждый думал о чём-то своём. Выглядела эта троица довольно таки не обычно - Антон в спортивной куртке и наглой, непонятного цвета кепке, Максим в больничном халате и Агата по середине - в детском поношенном пальтишке с огромным, семафорящим всеми цветами радуги, ранце.

Антон насвистывал весёлую песенку, дирижируя при этом руками. Наблюдавшая за ним со стороны Агата, наконец, не выдержав, процедила сквозь зубы:

- Не свести денег не будет.

- А у меня, их и так нету, так, что мне бояться не чего. Понятно, малявка! - и Антон, наклонившись, весело подмигнул, изумлённой Агате.

- Ах, так... - начала, было, она.

- Вот и заветная комната, судя по надписи - это и есть злополучная Палата Интенсивной Терапии, - не дал он ей закончить.

- Слушай, а это случайно не здесь поджаривают мозги до горелой корочки электрическим током, - поинтересовался Антон у задумавшегося Максима.

- Не знаю. Надеюсь и в дальнейшем прибывать в неведение, - ответил Макс пустым голосом и добавил,

- хотелось, чтобы все эти ужасы остались на страницах романа «Пролетая над гнездом кукушки».

Он чувствовал как девочка, дрожа всем телом, прижалась к нему, цепляясь за протянутую к ней руку, словно это было то единственное, что не давало ей погрузиться в пучину своих недетских кошмаров.

- Что испугалась? - не унимался Антон, продолжая подшучивать над Агатой, - а, может нам выпустить на божий свет, несколько заблудших душ. Как думаешь? - говоря это, он, медленно нажимал на ручку двери.

- Не стоит, - вмешался Макс. - А то они из чистилища попадут прямиком в ад.

Антон посмотрел на спокойного Максима, потом на побелевшую от страха Агату, и ему стало как-то не по себе.

- «И, правда, чего это я? Девчонку совсем перепугал». - Подумал про себя.
 - Ну и ладно, пойдёте знакомиться с живыми обитателями «сего творения рук человеческих». Веди нас путеводная звезда, то бишь - Аграфена Батьковна.
- Прочитывая свою речь, как заправский оратор, Антон, поклонясь, раскидистым жестом руки пригласил Агату проследовать вперёд.
- Шут гороховый, - неудержась, тихо обронила она, проходя мимо. Но было видно, что ей приятно. Поравнявшись с Максимом, Антон не выдержал:
 - Слушай, где ты её нашёл, в каких тайных закоулках этой психбольнице.
 - Это не я, её нашёл, а она меня.

Максим посмотрел на него так спокойно, как будто внутри улыбался, от чего Антон даже немного расслабился. Значит всё идёт хорошо.

В приёмной тускло горела неоновая лампа, не выключенная с ночного дежурства. Медсестра, за стеклянной кабинкой, мило щебетала по телефону, наманикюренными пальчиками кокетливо поправляя белокурый локон, так очаровательно выбивавшийся из-под белого накрахмаленного чепчика. Кривоногие стулья, аккуратно расставленные полукругом возле телевизора, создавали зону культурного обогащения для ещё не совсем потерянных пациентов. Приземистые четырёхугольные столики, приспособленные в основном для настольных игр, сиротливо жались вдоль стены. И вся эта атмосфера с нелепыми больничными атрибутами, словно задыхалась от немого крика: «Да, дружок, это психбольница, твои глаза тебя не обманывают. Уноси по быстрее ноги, а не то станешь частью нас!»

Антон поёжился то ли от холода, то ли от реальности, представшей перед ним во всей своей бытовой наготе. И эта безучастная ко всему медсестра, перепутавшая работу с дамским салоном, казалось даже землетрясение не способно выбить у неё из цепких рук, злосчастную телефонную трубку; и эти взъерошенные пациенты с потерянными лицами, хаотично передвигавшиеся шаркающей, не видящей походкой - давило на Антона своей шокирующей безысходностью. Не известно, сколько бы он продержался, если не Агата.

- Смотрите, они опять Кузьмича обижают. - Её голосок подрагивал от обиды. Но, вспомнив, что ни Максим, ни Антон с Кузьмичом ещё не имели чести познакомиться, быстро затараторила:
- Ну, это наш постоянный пациент. Он добрый и наивный как ребёнок, и совсем не понимает, когда над ним подшучивают. Мама говорит, у него нарушено внутреннее восприятие окружающего мира. Он утверждает, что его похитили инопланетяне и вживили под кожу опознавательный чип, и теперь контролируют каждое его движение.

Словно в подтверждение её слов, они слышали, как не далеко гнусавый голос говорил:

- А теперь ползи, зелёные человечки уже рядом.
- И какой то маленький, шупленький старичок с завидной проворностью, распластавшись животом на полу, быстро орудуя локтями, по-пластунски пополз, спасаясь от не видимой опасности, иногда изображая руками нечто похожее на бинокль.
- А теперь они справа, - скомандовал ещё один из мучителей.
- Кузьмич среагировал моментально - перекутившись с живота на бок, так, что кости захрустели, ударяясь об керамическую плитку, выжедательно замер.

- А теперь можно мне? Дай я скомандую, ты уже приказывал, - как дети спорили, заигравшиеся пациенты.
 - Пусть он покажет невесомость. **Слышишь**, невесомость, тебе говорят.
- И старичок вскочив, медленно поплыл, как в замедленной киносъёмке. Он плавно раскидывал руки, изображая вязкость воздуха. Пытаясь оттолкнуться от пустоты, неспешно подавался вперёд, как бы выныривая из гущи облаков. Макс на время показалось, что и сам он начал ощущать вязкость полёта. Дыхание замедлилось, мышцы расслабились, в голове приятная тягучесть. Максим видел, как под смех и глупые выкрики, потерявшиеся во времени; старик, мягко оттолкнувшись от пола, парил в невесомости над людской глупостью и ограниченностью. . Душа его ликовала.

- Что стоите, ему надо помочь! - требовательно сказала Агата, возвращая Макса в реальность.
- Ты хочешь, чтобы я подрался с психами!? - Антон укоризненно уставился на Агату.
- Я хочу, что бы ты им сказал, что так делать нельзя.
 - И ты думаешь, они меня послушают? «О, великий гуру», - скажут они, - «слушаемся и повинемся». Смешно. На это есть врачи, которые своими методами объясняют, подобным личностям, данные поступки.

- Ты просто их боишься.
- Да боюсь, они ведь психи, психи, понимаешь, - почти выкрикивал Антон, импульсивно жестикулируя руками прямо перед носом Агаты.

Не обращая на них ни какого внимания, Максим подошёл к старичку и положил руку ему на плечо, выводя тем самым из гипнотического состояния. Тем временем подбежали Антон с Агатой.

- Ну вот, ещё чуть-чуть и пропустили бы самое интересное, - посмеивался Антон.

Старичок вдруг обернулся и шепотом, виновато заговорил:

- Они прилетали ко мне сегодня ночью и сказали, что мой срок подходит к концу. Меня скоро заберут на небо. Вы ведь мне верите?
- Верим, - сказал Макс за всех.

От чего троица в больничных халатах начала громко перешёптываться. Послышались шутки о зелёных человечках и неестественный пустой смех.

Антон не выдержав, подскочил к обидчикам, и с серьёзным лицом поцедил сквозь зубы:

- Чего ржёте, небось, у каждого из вас в башке тараканы имеются?
- Какие тараканы? - удивился лысый, не большого роста, тот, что стоял по середине.
- Так у тебя в голове тараканы? - спросил, он соседнего, не скрывая неподдельной брезгливости.
- Да нет у меня никаких тараканов, - обозлился тот, нервно отмахиваясь рукой.
- И не надо их бросать на меня, - в панике проорал лысый, пытаясь смахнуть с себя невидимых тараканов.

Антон, открыв рот, попятился назад.

- Ущипните меня, я, наверное, сплю, и мне снится кошмар.

Агата стоявшая рядом, со всей силы ущипнула его за руку.

- Ай! - воскликнул он. - Ты, что с ума сошла, больно же.
- Ну и посмотри, чего ты добился.
- А, я тебя предупреждал, что не умею общаться с психами, - и Антон раздражённо подёрнул плечами, оборачиваясь к Максиму.

- Слушай, Макс, а на мне случайно нет тараканов?
- Нет. - Макс явно сдерживался, чтобы не рассмеяться.
- Слава Богу, - выдохнул Антон, - вот побуду здесь ещё не долго, и точно появятся. Послушай Агата, а ты в школу не опаздываешь? - поинтересовался Максим, поправляя у неё на спине перекосившийся ранец. - Подумаешь школа, я всегда опаздываю, учителя уже привыкли, к тому же сегодня занятия во вторую смену, - проворчала себе под нос Агата, подпрыгивая, чтобы ранец поудобнее уместился на хрупких плечах, - и у меня ещё осталось незаконченное дельце.

Ты нас пугаешь! - вмешался в разговор Антон, - а от твоих слов «незаконченное дельце», даже мурашки по спине побежали. Агата не удостоила его ответом, только кивком головы указала в сторону «культурной зоны», где потихоньку начали собираться скучающие пациенты.

- Видите вон ту тётеньку, которую только что прикатали на кресле-каталке? Мне с ней надо поговорить.
- Это та, с неестественно-белыми волосами, торчащими в разные стороны? - Антону становилось любопытно, к чему клонит Агата, и он сознательно повёлся на её таинственность.
- Во-первых, волосы не белые, а седые. И поседела она, после того как убила собственную дочь из охотничьего ружья. Хотела застрелиться сама, но ружьё дало осечку. А во второй раз помешал сосед, прибежавший на шум, он же и вызвал милицию. На допросе искренне утверждала, что у неё были видения, и так глоссит пророчество. После чего она попала сюда.

Загадочное молчание.

- И, во-вторых - она провидица.
- Она кто? - поперхнулся Антон.
- Провидица - та, кто предсказывает будущее. Теперь понятно. - Закончила свою речь Агата, строго посмотрев на Антона.
- А тебе то, что от неё надо? - пропустив мимо ушей последние слова, Антон искоса поглядывал на новоиспечённую предсказательницу, томившуюся в темнице психлечебницы.
- Она мне обещала..., - начала было Агата, но, вовремя спохватившись, строго ответила. - А тебе какое дело?
- Просто любопытно, - пожал плечами Антон, а потом, резко наклонившись вперёд, добавил, таинственно прищулив глаза, - может ты, заключила с ней договор, который подписывается кровью!?
- Подписывается чем? - у Агаты даже рот открылся от удивления.
- Знаете что, вы идите, если решили, а я попозже к вам присоединюсь. - Максиму не нравилась эта затея. Он явно сомневался, стоит ли вообще связываться с предсказаниями неуравновешенной, склонной к суициду, больной женщине. Но как говорить - «чем хуже - тем лучше».
- Ты, что, бросаешь меня, оставляешь на растерзание двум сумасшедшим. - Антону явно не терпелось пойти, поучаствовать на «сеансе чёрной магии», но одному было как-то страшновато.
- Ну, ты прямо как «рыцарь на распутье», не хочешь не ходи. - Максим, облокотившись об подоконник, с интересом наблюдал за игрой в шашки на соседнем столике.
- Ха, шутишь, где мне ещё представиться случай узнать своё будущее...
- Как не в сумасшедшем доме, у чокнутой пациентке, - закончил за Антона Максим.
- Вот именно!
- А хочешь, я, предскажу тебе будущее? - Максим с интересом посмотрел на Антона и продолжил.
- Ну, - задумался он. - Ты выйдешь отсюда в хорошем настроении. Пойдёшь на ближайшую остановку, где сядешь на трамвай. Проедешь зайцем до конечной. Выходя, немного посомневаешься, а потом с уверенностью зайдёшь в своё любимое кафе. Выпьешь пару бутылочек джин тоника с тамошними обитателями, поделишься впечатлениями. Добравшись до общежития, переругаешься с вахтёршей, и завалишься спать. Продрыхнешь несколько часов, а, проснувшись от угрызения совести, помятый и уставший, побредёшь на последнюю лекцию. Ну, что продолжать?
- Достаточно. Это всё я и сам могу себе предсказать.
- Вот видишь, - сказал, усмехнувшись, Максим, - а, что тебе ещё надо? Вся жизнь, это череда дней сменяющихся один за другим. Так, что делай выводы.
- А мне всё-таки интересно, - засуетился Антон, поглядывая в сторону Агаты, которая уже что-то выпрашивала у необычной пациентки. - Только ты подходи, как обещал, ладно?

Макс только неопределённо пожал плечами, возвращаясь к своему наблюдательному пункту.

Подойдя к Агате, Антон просто остолбенел. Он ожидал увидеть женщину в возрасте, с морщинистой обрюзгшей кожей, и уставшими бесцветными глазами, ну в худшем случае, что-то старое и сморщенное, но никак не то, что предстало перед его взглядом. На уже не молодое, но и не морщинистое лицо, был нанесён толстый слой белой пудры. Обведённые чёрным жирным контуром, глубоко посаженные глаза, создавали эффект ввалившихся в череп глазниц. Рот, намаженный ярко-красной губной помадой, напоминал расплывшуюся красную точку. Уголки губ словно растворились под толщей штукатурки, а линия волос резко оттеняла лицевую остроконечность. Всё это напоминало Антону маску старой японской куклы из театра Кабуки.

- Да, по истине, она находится на своём месте, - подумалось ему, - или место так влияет на неё.

Хорошо, что женщина была занята Агатой, и шок от увиденного, так явно отразившийся на лице Антона, остался ею не замеченным. Разглядывая её, он поражался всё больше и больше. Прислушиваясь к разговору, ему явно слышался гортанный женский голос, вот только ни одна мышца, ни один нерв не дрогнули на кукольной маске, словно голос жил отдельно от тела.

- Мистика, какая то, - в голове Антона начали происходить необратимые мыслительные процессы.

- Я тебе ещё раз повторяю, девочка, твоё будущее неопределённо. Тебе ещё рано думать о таких вещах,

- продолжал между тем голос, - будущее - это не обратимая дорога к смерти. Мысли о смерти как кислота разъедают детскую непосредственность. Ты же не хочешь, что бы я лишила тебя детства, девочка?

Агата стояла, опустив голову но, сжав кулаки, казалось, она пытается выстоять под натиском сильного урагана.

Отвернувшись на время, маска, резко развернулась, и острые пальцы глубоко вцепились в тоненькую детскую руку.

- Где твоя кошка?

От такого неожиданного вопроса даже Антон устался на Агату.

- Ну, я не знаю, убежала куда то. - Прошептала она, пытаясь собрать в кучу, непослушно расплывающиеся в разные стороны, мысли.

- Найди её, девочка, эта кошка будет причиной многих бед, - и, наклонившись ещё ближе, голос прошипел, - из-за неё пострадают люди.

Слыша всё это, Антону стало жалко Агату:

- Оставьте её в покое, вы уже достаточно её запугали, - говоря это, Антон выдернул руку Агаты из ослабевших тисков больной женщины.

Откидываясь на спинку кресла, рот на белом лице искривился в нечто похожее на улыбку,

- Ты, что тоже хочешь узнать своё будущее, добрый молодец?

- Почему бы и нет, - расхрабрился Антон.

Рот искривился ещё сильнее.

- Да у тебя не будущее, а смех, да и только.

Антон гневно развернулся, и хотел, было уходить. Но голос продолжал, только уже без иронии, а задумчиво и протяжно:

- Смех сквозь слёзы, слёзы сквозь смех; пустая жизнь, пустая смерть. Только есть у тебя спасение, - и, наклонившись так близко к Антону, что он почувствовал запах её дыхания, голос прошептал в самое ухо, - любовь к призраку. Всего лишь мгновение по сравнению с твоей жизнью, но целая жизнь по сравнению с твоей пустотой. Береги свою любовь, ибо это и есть твоё спасение.

- Больше мне нечего тебе сказать. Уходи.

Антон стоял онемевший, всё ещё держа Агату за руку; когда женщина вся напряглась, и даже привстала с кресла, вцепившись побелевшими пальцами в поручни.

- Мне нужен он!

Дрожь прошла по её телу и в глубине почерневших глазниц, зажглись пугающие огоньки.

Антон проследил за её взглядом и побелел не хуже чем сама «маска».

Возле окна оперевшись о стену спокойно стоял Максим и наблюдал за ними. Встретившись взглядом с Антоном, он явно насторожился и, спрятав руки в карманы, неторопливой пружинистой походкой направился в их сторону. Подойдя ближе, он посмотрел на испуганного друга, потом на подозрительно притихшую Агату и медленно перевёл взгляд на странную пациентку; долго смотрел на неё, разглядывая, казалось, не замечая ничего необычного.

- Что здесь происходит? - тихий строгий голос разрядил застоявшуюся обстановку.

Антон хотел, было, что-то сказать, чтобы предупредить, но женщина его опередила.

- Я хочу рассказать тебе твоё будущее.

У Антона от удивления открылся рот.

- «Как быстро, однако всё меняется местами», - подумалось ему.

Максим подошел вплотную к креслу, и оперевшись руками о поручни - наклонившись вперёд, с какой то грустной ухмылкой сказал:

- С чего вы взяли, что я хочу его знать?

- Все хотят, вот и твои друзья тоже, - и добавила шёпотом, - каждый получает на свой ответ нужный вопрос. Вот и у тебя есть ответ, а у меня вопрос. Но ты ведь не как все, ты ведь другой.

Максим посмотрел на неё с сочувствием и хотел уходить, но «маска» цепкими костлявыми пальцами накрыла его руку, сжав до боли.

- Я ведь знаю, кто ты, - казалось, голос говорил у самого его уха, - в нашем мире среди людей существуют фантомы. Когда

человек решил уйти, он медленно гаснет, оставляя за собой сгусток энергии, - человеческий образ и внутреннее сияние, как падающая звезда. Ты сияешь ярче всех - это так прекрасно. Поэтому своей чистой энергией и притягиваешь человеческие души. Разве ты не замечал, что вокруг тебя так много людей, жаждущих быть с тобою, любящих тебя. Хотя ты не прилагал к этому, ни каких усилий, даже наоборот, стремился к одиночеству. Они слетаются к тебе как на яркий, горячий и недоступный огонёк, в темноте человеческих переживаний и обид. Чувствуют, но не понимают твою недостижимость.

Максим с силой выдернул свою руку из цепких объятий, и развернулся, чтобы уйти. Но жёсткий голос ударил его в спину:

- Как давно ты болен!? Болезнь уже начала свою работу по поглощению. А ты выкармливаешь её с руки как маленького котёнка, зная, что из него вырастет тигр - твой собственный убийца. Так знай, что и жертва, и палач - это ты в одном лице. Тебя уже нет, ты встал на свой путь, единственно верный.

Только, что там, в конце пути?...

Молчание.

- Возьми меня с собой или замолви словечко, - она схватила его чуть выше локтя, пытаясь заглянуть за плечо. - Тебе поверят. - Руки тряслись, голова дрожала как от электрического разряда, казалось, что белая маска спадёт с её лица, обнажая не защищённую плоть.

Максим развернулся и, касаясь рукой напудренной щеки, тихо сказал:

- Я всё сделаю, - а потом обращаясь к Антону и Агате. - Мы уходим, - схватив их за руки, с силой потащил за собой.

- Я не прощаюсь, мы ещё встретимся, - слышал он за спиной голос «маски».

Антон и Агату не надо было долго упрашивать покинуть пациентку, они и сами летели «на всех парах», лишь бы быть подальше отсюда.

Подойдя к двери, Макс обернулся. К незадачливой больной уже со всех ног бежали перепуганные медсёстры, а она, раскинув руки как крылья, напевая под нос детскую песенку, летала, позабыв обо всём. И только когда её стали связывать, заламывая хрупкие пальцы, взгляд пустых глазниц остановился на Максиме и дребезжащий голос прозвучал как приговор:

- Ты всё ещё стоишь на той высоте! Прыжок в никуда - это полёт бабочки из кокона. Так прыгай же быстрее. Это твой путь! - и обессиленная обмякла на спинку кресла.

Макс побелел, в руках появилась предательская дрожь. Постояв не много, он неуверенной походкой вышел на улицу.

Антон чуть не сбил его с ног, судорожно ощупывая и теребя волосы.

- Да перестань ты, - отбивался, как мог Максим.

- Ассистент, мы его теряем, срочно нужна доза атропина или какую там хрень вкалывают в тяжёлых случаях, - обратился Антон к Агате, а та сидела на лавочке, заливаясь от смеха.

- Отпусти его, дурень, - и Агата зашвырнула в него жареным арахисом, который грызла вместо нормального завтрака.

- Ты слышал, «доктор сказал в морг, значит в морг», - и Антон, обхватив Макса за плечи, потащил его к лавочке.

- Ну и больница, я до сих пор под впечатлением, - проговорил Антон, вальяжно усаживаясь на холодной, скрипучей скамейке.

- А знаете, что я вам скажу, - надо быть очень психически-уравновешенным человеком, что бы здесь лечится.

- Больница как больница, - проворчала Агата, аппетитно хрустя жареными орешками.

- Слушай, ну ты жадина, сидит тут, понимаешь ли, под боком, грызёт орехи как белка, нет, что бы угостить голодающих студентов.

- Да на, жалко, что ли, и Макс передай, - сказала Агата, передавая пакетик Антону.

Антон зажёб целую жменю и, стукнув Макса по плечу, с набитым ртом, спросил:

- Хочешь?

- Нет, - ответил Макс, не глядя.

- Ну, тогда я съем ещё и за него. - Антон хотел загребсти ещё жменю, но Агата проворно выхватила пакетик, стукнув его по руке. - Лопнешь.

Так они и сидели на лавочке, посмеиваясь, и подтрунивая друг над другом, пока не начал моросить мелкий дождик.

Агата торопливо встала, стряхивая с пальто шелуху от орехов.

- Теперь мне уже точно пора в школу, - сказала она, раскрывая маленький детский зонтик.

Антон с Максимом тоже встали, разминая замёрзшие косточки. Максим подошёл к Агате.

- Ну, удачи тебе и ни чего не бойся.

- Ага, - весело подмигнула Агата. - Ой, чёрт, шнурок развязался. - И она хотела наклониться, что бы завязать, но Макс остановил её. Присев на корточки, он аккуратно зашнуровал ботинок. Антон не выдержал:

- Ну, прямо как заботливый папаша и милая дочурка.

* А ты как глупый младший братик, - ловко парировала Агата и, обернувшись к Максиму, сказала:

- Спасибо, - быстро побежала в сторону школы, что бы скрыть набегающие на глаза слёзы.

Макс стоял и смотрел в пустоту. Туман как кисель поглотил красное детское пальтишко и только пустой пакетик арахиса, безжалостно терзаемый порывами ветра, напоминал о её недавнем присутствии.

- Становится холодно. Погода сегодня выдалась на редкость мерзопакостная, как и моя жизнь. - Антон подошёл и остановился рядом с Максимом.

- Да ладно, не всё так плохо. - Макс, поежившись, спрятал руки в карманы.

- Ага, особенно когда ты вымок до нитки.

Антон, быстро стащив с себя намокшую кепку, лихо натянул её на Максима.

- Слушай, поправляйся по быстрее мне без тебя как-то не уютно, и вообще боюсь второго посещения этой больницы, моя психика просто не выдержит. Чёрт, как холодно. Ну ладно я побегу и не забуду заскочить в кафе, поделиться впечатлениями, - С этими словами Антон, нахлобучив на голову куртку, собирался уходить, но Макс остановил его:
 - Подожди, торопыга, - и он с улыбкой сунул ему уже совсем промокшую кепку. - Я знаю твоя любимая. Ещё потеряю в больнице, а ты совсем без неё замёрзнешь, не думаю, что твоя голова скажет мне за это спасибо. Ладно, иди уже, и постарайся не натворить глупостей.
 - Спасибо, обязательно натворю, - сказал, убегая, Антон, помахав издалека, похожей на тряпку кепкой.
- Макс, оставшись один, запрокинул лицо к небу, такому серому и тяжёлому. Капли дождя прозрачными зёрнами ударяясь об обветренное лицо, рикошетили в стороны и стекали как слёзы извилистыми ручейками по щекам. А может это, и были слёзы. Слёзы дождя с привкусом человеческих эмоций.

Максим долго лежал с закрытыми глазами, ноздрями втягивая в себя воздух, пропитанный болезненной пустотой, В распахнутое зарешётчатое окно врвался сырой запах улицы. Ритмичные удары непогоды отсчитывали пульс и заставляли кровь быстрее бежать по венам. Макс чувствовал, что превращается из твёрдого состояния в тягучую субстанцию и растекается по камням, по влажной прохладной дороге, по отмирающей листве; он даже ощущал привкус пыли во рту. Занавески раздувались под музыку ветра, и казалось, исполняли какой-то свой обрывистый танец. На улице было темно, - это как раз то время, когда скоро всё вокруг начнёт просыпаться. В палате кроме Максима кто-то сильно похрапывал накачанный снотворным, а остальные здешние обитатели растворились в безмятежности выходных дней. Время тянулось как расплавленная карамель и казалось, ни что не нарушало это тихое спокойствие. Но какие то шуршащие звуки, доносившиеся из коридора, безжалостно вторгались в эту застоявшуюся тишину. Что-то насторожило Макса, в коридоре явно происходила какая то возня. Он резко сел на кровать и стал прислушиваться. Было слышно неуклюжее шарканье обуви об пол, потом скрипучий протяжный звон металла, как будто тащили, что-то тяжёлое металлическое. Приглушённые человеческие голоса заставили Макса ещё больше насторожиться. Больница в это время всегда пустовала, пациенты разъезжались по домам, а те, кто оставался, лежали под капельницами или накаченные таблетками; санитары и медбратья отсыпались в опустевших палатах.

Все мышцы и даже дыхание превратились в слух. Окружающая атмосфера, располагавшая к задумчивости и созерцанию, в один миг превратилась в раскалённое энергетическое поле, где любое соприкосновение выбивало искру. Максу было страшно, и от какого то предчувствия, зародившегося глубоко внутри, волосы на голове вставали дыбом. Он подумал ещё не много и, впитывая в себя звуки, медленно стал продвигаться по коридору как ищейка, учуявшая запах крови.

Темнота коридора скрывала его, а голоса были слышны всё отчётливее. Подойдя поближе Макс, явно различил две фигуры.

- «В белых халатах, - так это санитары!» - пронеслось у него в голове.

Слабый свет из окна столовой пробивающийся в коридор позволил более подробно рассмотреть происходящее. С одной стороны от Макса стоял высокий широкоплечий здоровяк, на вытянутой руке постоянно встряхивая, он сжимал нечто похожее на промокшую меховую шапку.

- Наконец таки я поймал эту заразу, а ну давай Малява, плесни на неё керосинчику, - загорится как факел. Вот будет умора!

Он обращался к невысокому, вертлявому, по всей видимости - Маляве, который, раздувая, от напряжения щёки как болотная жаба, тащил канистру, упирающуюся о неровные бортики плитки. Дотащив до Здоровяка, шатаясь и кряхтя, («похоже, они сильно набрались» - догадался Макс), он медленно приподнял ее, чтобы вылить содержимое на обречённую шапку, но так как канистра была полная, то все разом оказались покалено в керосине. Тонкая струйка тёмной переливающейся жидкости медленно добралась и до Максима, облизывая его босые ноги. Он смотрел на всё это, и не понимал - какого чёрта он стал невидимым участником этого странного действия.

- Идиот, я же сказал лей на кошку, а ты чё, решил поиграть в «Кошкин дом»!

В довершении ко всему, шапка дёрнулась в руке Здоровяка и издала булькающее жалостливое мяуканье.

- Чёрт, - выругался Макс, - это же Капа, а Агата её так искала.

Мысли проносились в голове со стремительной быстротой;

- «Надо что-то делать, иначе эти двое спалят больницу, а искрой послужит факел из Глашиной кошки». И только один маленький писклявый голосок подозрительно спрашивал;

- «Тебе жалко больных, кошку, - а может, ты просто решил опять сыграть в рулетку со своей жизнью?» Сжав кулаки, не долго думая Макс, вышел на свет.

- Подождите, что вы делаете? Это моя кошка, отдайте её мне!

Он и сам не ожидал, насколько резко прозвучали его слова. То ли от страха, то ли от решительности в голосе читались явно угрожающие нотки.

Не ожидавший здесь присутствия ещё кого-то, Здоровяк интуитивно обернулся и рывкнул;

- Чё?

Малява уронил канистру, и она издала протяжный отрешённый звук.

- Чё, ты сказал? - переспросил Здоровяк.
- Это моя кошка, отдайте её мне.

Макс стоял, не двигаясь в луже керосина.

- Чё, ты сказал, повтори!?

Максиму начало казаться, что санитар либо оглох от неожиданности, либо с детства страдал глухотой.

- Так ты говоришь это твоя дохлятина? - растягивая слова, он медленно приближался в его сторону.

- Точно твоя? Узнаёшь?

Макс молча смотрел как Здоровяк, сильнее сжав кошку, подносил её к его лицу. Капа была мокрая но, похоже, ещё живая.

- Конечно, на, бери, - говоря это, он достал из кармана зажигалку, поднёс к кошке и хотел зажечь, но Максим чувствуя резкий запах керосина и понимая, что здесь сейчас всё вспыхнет, резко ударил Здоровяка по запястью, зажигалка выскользнула из рук, наступила пугающая тишина. Казалось время, устыдившись своей скоротечности, смаковало каждую секунду этого мгновения, замедляя иллюзорной текучестью полет блестящего и смертоносного предмета. И только удар пластмассы об пол, разрушил это оцепенение.

- Я те покажу, псих на кого ты руку поднял, - прохрипел обезумевший санитар и, швырнув кошку об стену, со всей своей пьяной силы, ударил Макса по лицу. От удара Максима рвануло в сторону, хрустнули коленные чашечки, ударяясь об кафель пола. Чтобы удержаться на коленях и не потерять равновесие он интуитивно успел выставить руку, которая и приняла на себя всю тяжесть рухнувшего тела. Согнувшись от боли, он чувствовал во рту солёную кровавую массу. От тошноты и омерзения, его вывернуло красной пеной прямо под ноги окосевшему Здоровяку. Вытирая лицо краем футболки, Макс увидел на пальцах липкие сгустки. Из носа пошла кровь. Запрокинув голову, свободной рукой, он сдавливал переносицу, чтобы остановить кровотечение. Керосин был везде. Его запах смешивался с запахом крови и вызывал мучительную тошноту. Максим обернулся, что бы посмотреть, где кошка.

- «Похоже, она забилась в угол», - с надеждой подумал он.

- Ну, что очухался, - прогремел у него над головой злорадствующий голос, - Малява иди сюда, надо хорошенько проучить этого психа.

С этими словами он размахнулся и, рассекая острым краем кольца, кожу и нижнюю губу Максима, пытавшегося приподняться с колен, прошёлся кулаком по нижней скуле. Губа лопнула как переспевший фрукт и из бордового разрыва вместе с кровью сочилась обжигающая болезненная чернота. Боясь прикоснуться к ране даже языком, Макс замер, ожидая, что будет дальше. Он стоял на коленях, опираясь одной рукой об ледяную мокрую плитку, пытаясь заглушить металлические удары своего сердца. Казалось, эта барабанная дробь с пульсирующей частотой проходила по всему телу, задерживаясь в области лица и разбитых коленях; рикошетила об холодный пол, заставляя в такт вибрировать стены и обволакивающий, пропитанный керосином и кровью воздух. Всё о чём думал Максим в этот момент, - только не потерять сознание. В ушах, оглушая, гремел колокол, и эта нарастающая громогласная тишина пугала его.

Сделав над собой невероятное усилие, он постарался повернуть голову, шейные позвонки предательски хрустнули и отозвались тупой болью. Кровь из носа тонкой струйкой потекла по губам, облизнув её сухим языком, Макс опять почувствовал горький привкус тошноты. Краем глаза он видел, что Здоровяк находится рядом и возвышается над ним огромной чёрной глыбой. Стараясь всмотреться чуть глубже в темноту коридора, Максим различил приближающуюся, нервную фигуру коротышки. Он понял, что у него всего лишь один шанс; как только Малява подойдёт поближе, они просто забудут его до смерти. Он попробовал медленно привстать с одного колена. Жуткая боль переросла в шоковое онемение и Максу удалось чуть-чуть подняться. Кусая до крови и так окровавленные губы и ощущая жуткую не подвижность тела, собравшись в один единственный порыв, он, что было силы, ударил Здоровяка в живот. Удар был настолько неожиданный и болезненный, что санитар, простонав, согнулся по полом, а потом рухнул на пол в лужу керосина. Звук был такой, как будто уронили мешок с картошкой. На искривлённом болью лице Здоровяка выступила испарина, а на тубах появилась кровавая пена. Увидев, что завязалась какая то возня, Малява ускорил шаг.

- «Всё хорошо», - успокаивал себя Максим, - «всё идет, так как мне надо». И не смотря ни куда, только на маленький блестящий кусок пластмассы, находившийся в нескольких шагах, Макс медленно пополз; казалось, каждая его клеточка весила с тонну, и он с трудом перетаскивал тяжесть своего тела. Целая вечность прошла, прежде чем его ладонь накрыла маленький блестящий предмет. Максим привстал и аккуратно разжал руку с зажигалкой. Он смотрел на неё, не моргая.

- «Вот она смерть», - думал он. - «Маленький кусочек пластмассы, а здесь, сейчас, - это нечто самое важное, решающее и дорогое, дороже жизни, способное отнять или вернуть всё».

Совсем забыв о Маляве, скорчившемся Здоровяке, даже о себе, - о том, что кровь всё ещё капала с подбородка, что боль в коленях доводила до обморочного состояния; все, о чём он думал - это о зажигалке в помещении, полностью пропитанном керосином.

Краем уха Макс слышал, как Малява о чём-то расспрашивал Здоровяка, на что тот только мычал.

Потом как Малява резко поднялся и проорав: «Да я ему сейчас все кишки выдерну», - рванул в его сторону.

- «Что ж», - подумал Максим, - «у меня нет выбора». - И резким движением чиркнул зажигалку. Маленький огонёк выпрыгнул как чёртик из табакерки. Макс зачарованно смотрел на пламя, забыв про руки, промокшие в керосине. Отблеск огня пробежал по скрюченной фигуре Здоровяка в углу коридора, по металлическому

корпусу канистры, поиграл своим отражением в лужах керосина, и растворился в воздухе, окрасив всё в тёмно-оранжевый цвет.

- Да я тебя сейчас раздавлю как клопа, ты у меня сразу забудешь, как огоньком играть.

Услышал Макс совсем рядом, и глухо прорычал:

- Я брошу! - Чтобы лучше было видно, вытянул руку, огонёк задрожал, а потом вытянулся в ровную полоску.

Малява остановился и рявкнул:

- Врёшь, ублюдок, ты же сам первый сгоришь.

- А давай проверим! - оскалился Максим. Но тут вмешался захлёбывающийся голос Здоровяка:

- Отступись Малява, он же псих. Он может. Оставь его. Посмотри, он уже всё для себя решил. - С этими словами санитар стал приподниматься.

- Помоги мне, - буркнул он. ~ И коротышка, всё ещё раздумывая, медленно побрёл в его сторону.

- Смотри, уже светает, - сказал Здоровяк, опираясь на плечо Малявы. - Сваливаем.

Крепко обхватив его под руки, чтобы не дать упасть, коротышка медленно побрёл к лестничному проёму.

Звук удаляющихся тяжёлых шагов эхом отразился в опустевшем коридоре. За окном начинало светать. Утро не торопливо, словно густое молоко, просачивалось сквозь заляпанное оконное стекло, разбавляя тем самым острую, болезненную черноту ночи.

Максим всё ещё стоял на коленях и судорожно сжимал в руке зажигалку. Казалось, маленький огонёк плясал прямо у него в руках. Серые зеркала глаз, не моргая, наблюдали за красным существом, в любой момент грозящим превратиться в огненного джина. Часть Макса растворилась, сливаясь с темнотой, и только оранжевые полутона вырывали из пустоты куски его фигуры и раскачивали в такт мерцающего огонька. Он был похож на потустороннее существо, словно шаман, слившийся воедино со своим духом. Макс ощущал теплоту и опустошение одновременно, как будто закончилось то, что должно было, закончится, и ты ждал и в то же время боялся этого конца. Он уже не чувствовал боли, его внутренний мир поглотил всё, как чёрная дыра.

- Ну, бросай, чего ты ждёшь? - закричал тот другой Макс из глубины. - Ты же давно хотел этого, реши разом все свои проблемы. Это же так просто. Не будь тюфяком!

Другой Макс всегда появлялся в подобных ситуациях. Максим ждал его и боялся, боялся, что когда то он не выдержит, сломается, не найдёт нужных оправданий и разожмёт ладонь. Если раньше кому-то и можно было довериться, то только ему. Ведь другой Макс всегда был с ним: в школе сидя на подоконник - вытирал ему слёзы, в минуты отчаянья - находил нужные слова утешения. В какой то момент всё изменилось. Макс почувствовал, что зависит от него, нуждается в его жалости, и голос стал исчезать, но в последнее время эти приступу участились, доходя порой до пытки. С огромным усилием воли, сжимая руку в кулак так, что ногти до крови впились в ладонь, борясь с искушением, Макс погасил зажигалку. И всё рухнуло как карточный домик, у которого вытащили нижнюю карпу, растворилось в сером тумане ни как не наступающего утра.

Оцепенение прошло, и боль обрушилось со всей своей всепоглощающей силою. Максим чувствовал её болезненные приступы, они заполняли каждую его клеточку, как вода наполняет сосуд, проникая в самую маленькую трещинку или выемку.

Макс попытался приподняться, но ноги не слушались его, а в коленях было так горячо, словно под кожу накачали кипятком. Облокотившись рукой об пол, он медленно осмотрелся. Глаза уже привыкли к темноте, и предметы вырастали своими очертаниями по мере движения взгляда. У противоположной стены, в углу, он заметил кошку. «Странно, что она не убежала», - подумал Макс. - «Надо отнести её Агате». Усилив воли, опираясь на руки, он медленно пополз, рывками перетаскивая, ставшие непомерно тяжёлыми ноги, оставляя за собой водянисто-красный след керосина. Наконец таки облокотившись спиной о стену и расслабившись всем телом, он позволил себе разжать зубы и глубоко выдохнуть из мышц скопившееся напряжение. Несколько минут Макс сидел не двигаясь, и вдруг подумал, а, что если кошка мертва. Аккуратно, рукой ощупывая плинтус, он попытался дотянуться до того места, где как ему показалось должна быть Капа. Есть. Пальцы пробежали по мокрой шерсти, и Максим осторожно подтащил к себе влажное, но ещё тёплое тельце. Приподняв, он одной рукой прижал её к своей груди, кошка зафырчала и затихла. «Живая!» - успокоился Макс.

Секунды медленно перетекали в минуты. Минуты склеивались в причудливые очертания, образуя тем самым бесконечное соцветие времени. Закрыв глаза Максим, наслаждался спокойствием и пустотой, ощущая, как время просачивается сквозь него.

* * *

- Максим, иди скорей сюда, - орал Сашка, забравшись в воду, уже покалено, - смотри какая вода прозрачная, даже маленьких рыбок видно.

Максим медленно подошёл к песчаному краю. Его ноги увязали в мокром песке, от жары волосы слиплись и блестящими прядями спадали на лицо, на плечо перекинута лёгкое полотенце.

- А здесь можно купаться? - не унимался Сашка, и его подвижная острая мордочка, обрамлённая белыми кудряшками, с нетерпением поглядывала на Максима.

- Конечно можно, мы ведь для этого сюда и пришли, - проговорил он, разглядывая заброшенный песчаный берег реки. Спуск к воде был не сильно пологим, и поэтому Макс, на некоторое время, оставил Сашку без внимания; повернувшись к нему спиной, начал медленно перетаскивать старую сгнившую корягу. Он не видел, с каким обожанием смотрел Сашка ему в спину. Конечно, Максим был высоким, гибким. Была в нём какая то, не по-детски сформированная грация, он и ходил,

двигался не как все, а словно пританцовывая. Чёрные, по-мальчишески спутанные волосы, иногда не послушной прядью падали на глаза, и Максим тот час быстрым движением убирал их на затылок, запутывая ещё сильнее. Серые глаза на загорелом лице казались совсем светлыми. Сашке нравилось наблюдать за Максимом, конечно, ему исполнилось уже тринадцать, а Сашке только в этом году стукнет семь. Он был маленький и хрупкий, голубые глазёнки смотрели на мир с беспокойством и тревогой. Соседские мальчишки его не обижали, но и не воспринимали всерьёз. Только Макс общался с ним как с равным. Были ещё Игорь и Олег - друзья Максима, из соседнего двора. Если они и позволяли ему существовать в их компании, то только по тому, что Сашка не отходил от Макса ни на шаг, приклеился как банный лист, а Максиму похоже было всё равно.

- «Смотрите, Макс идёт, и блоха как всегда рядом», - кричали мальчишки, заведя их через дорогу. Сашка с начала обижался, а потом привык, ведь главное, что Максим называл его по имени. Макс тоже не нравилось Сашкино прозвище, и он несколько раз говорил ребятам об этом, но похоже чем больше он заострял на этом внимание, тем быстрее прилеплялась к Сашке эта кличка, и Макс перестал.

Честно говоря, Сашка недолюбливал высокого как колонча Олега и веснушчатого Игоря. Особенно их мальчишеские драки, когда они набрасывались друг на друга - «кто кого».

- «Хватай его, Макс», - орал Игорь, - «не убежит». И они догоняли удирающего Олега, делали подсечку, и с криком заваливались в траву. Получалась «куча мала» из ног, рук и того, что попадалось по пути. Макс, с горящими глазами высвобождаясь из цепкого захвата, посмеивался над дерущимися Игорем и Олегом, а потом кто-нибудь опять сваливал его в траву, и всё начиналось снова. Офигевший Сашка, наблюдал за всем этим, открыв рот. Как они могут так обращаться с Максимом, с его Максимом, которому он поклонялся как Богу (хотя Сашка и не понимал ничего о Боге), но уже знал точно, что Макс для него был как объект для подражания. Потом все, дружно развалившись на траве, вглядывались в небо, перекидываясь словечками; каждый мечтал о своём, а запах травы и вечерней прохлады, придавал мечтам романтические нотки. Мечтал и Сашка, примостившись рядом и обхватив руками колени.

Вот и сейчас он размечтался, наблюдая за Максимом.

- Саш, ты по осторожнее, там течение сильное. - Макс уже немного расчистил берег от старых перегнивших веток и, примостившись на горячем песке, краем глаза поглядывал за Сашкой. Неосторожная, случайная забота была просто «бальзамом на душу» такому маленькому существу. И взволнованный вниманием Сашка, с удвоенной силой начал плескаться и дурачиться, разбрызгивая вокруг себя целый дождь воды.

Солнце припекало всё сильнее, и Максим спрятавшись в раскидистых ветках плакучей ивы, напряжённо вглядывался в такое близкое и раскалённое небо. Облака с ленивой грацией плавилась как масло на сковородке, поменяв до этого несколько раз свои причудливые очертания. Макс видел, как пиратский фрегат превращается в карликового пони, а пони в божью коровку, он и сам растворялся вместе с облаками, превращаясь то в гигантского дракона, то в бесформенную медузу. Жадно облизывая пересохшие губы, он ощущал солёный привкус летнего безмолвия. Ладони обжигала сыпучая мягкость песка, но это тепло, такое естественное, дополняло его фантазии. Казалось, что всё вокруг было также зачарованно, как и Макс, этой летней красотой, и только порывистые всплески воды, возвращали его в реальность. Он чувствовал на лице горячее пощипывание, но загар уже давно пропитал его кожу карамельным цветом, так, что не большая доза солнечного тепла для него останется не замеченной. Вдруг всё вокруг по настоящему стало, каким то тихим.

- «Что-то изменилось», - подумал Макс, насторожившись. - «А, так это Сашка перестал плескаться». Максим повернулся в его сторону, чтобы узнать, в чём дело. Тот по пояс стоял в воде и смотрел на заблудившуюся в зарослях травы дорогу.

- Саш, ты чего?

- Олег с Игорем идут, - недовольно процедил сквозь зубы разочарованный Сашка. - Максим, а давай убежим пока они нас не заметили.

- Убежим!? - громко рассмеялся Макс. - Зачем?

Сашка капризно надул щёки, по детски оттопырив нижнюю губу; проворно выбрался из воды и стал торопливо надевать извалявшиеся в песке шорты.

И, правда, из-за зарослей показались Олег с Игорем. Они деловито шли по тропинке, оживлённо о чём-то разговаривая. Завидев Макса, отчаянно замахали руками и ускорили шаг.

- Привет, а мы тебя ищем, - и Олег по дружески стукнул Макса по плечу. - Слушай, а хорошее местечко ты себе облюбовал.

Оценивающим взглядом Олег прощупывал заброшенный берег реки, и словно поперхнувшись, остановился на Саше:

- Ага, и блоха здесь, ну как же иначе.

Сашкины глазёнки обиженно сверкнули, и он медленно подошёл к Максиму.

- А вы, что тоже решили искупаться? - поинтересовался Максим.

* * *

Макс погружался в образы, как не одухотворённое вещество просачивается в параллельные миры. Он так реально ощущал своё прошлое, что, зачерпывая руками, воздух и обрызгивая им своё лицо, чувствовал нагретую солнцем влагу; а пальцами касаясь холодной керамики пола, ощущал мягкое покалывание зыбкого песка. Он сидел на полу, а прошлое с бешеной силой вращалось вокруг него, отчитывая круги всё глубже и глубже. Туман знакомых воспоминаний развеивался от дуновения мысли, и картинки разлетались как фрески из песка, что бы вновь собраться в другие более красочные композиции.

- Ну, мне пора, уже поздно.
 - Макс, подожди, смотри, дед Митрохин идёт, - Игорь бросил удочку и высунулся на тропинку. - Слушай, что это он так озирается, и куда его понесло, на ночь глядя?
 - Да точно, он ещё и узелок, какой то тащит. Мне этот дед никогда не нравился, - оживился Олег, тоже высовываясь из зарослей кустарника. - А давайте за ним проследим!
 - С чего бы это нам за ним следить? - Макс тщательно складывал удочку, стоя по колено в воде.
 - Да ладно тебе Макс, интересно ведь, а вдруг он бабку Дуню прибил, а теперь следы замечает! Тот ещё тип!
- От слов Игоря глаза Сашки, копавшегося неподалёку с ведёрком, округлились, а нижняя челюсть от испуга или удивления, медленно съехала вниз:
- Да ну!? - Любопытство пересилило страх и, вцепившись в ведро, Сашка пытался пропихнуться между Олегом и Игорем.
 - Тише ты, Блоха, заметит ведь.
- Закончив собирать вещи, Максим подошёл к трём зарывшимся в листве фигурам, на которые без смеха смотреть было просто невозможно.
- И чем это ему помешала баба Дуня? - прошептал он сквозь смех.
- Услышав голос совсем рядом, испугавшись, Игорь резко вынырнул из зарослей.
- Да ничем, просто со злости взял и прибил! - также в ответ прошептал он, пытаясь вернуть себе внутреннее самообладание.
 - Чёрт, мы его потеряли из виду, он завернул за угол, наверное, направляется к болоту, - негромко прокричал разочарованный Олег.
- Сашка от любопытства настолько вытянулся из кустов, что если бы Макс не схватил его за пояс от шортов, обязательно вывалился бы на дорогу как потерянная поклажа. Ведёрко жалобно поскрипывало.
- Да выкинь ты эту консервную банку, скрепит как скелет костями, - разозлился Игорь.
- Стемнело. Четыре детские фигуры медленно пробирались вдоль дороги: то беззвучно проползали, сливаясь с листвой придорожных зарослей, то стрелой перебегали от одного кустарника к другому. Слышались смех, перешёптывания и детские возгласы.
- Точно, я же говорил, идёт к болоту, - не унимался Олег. - Ой, смотрите, узелок как будто двигается!
- И, правда, у деда в мешке, что-то закопошилось, и на глазах у изумлённых мальчишек, старик, размахнувшись, далеко зашвырнул свою ношу в чёрную мякоть болота. Постояв немного и убедившись, что холщёвая тряпка полностью исчезла с поверхности воды, дед развернулся и пошёл обратно по той же тропинке.
- Точно прибил! - выдохнул Игорь.
- Сашка от страха побелел как полотно и с утроенной силой вцепился Макс в руку.
- Да перестань, это же смешно, - сказал Максим, не сколько Игорю, а чтобы успокоить перепуганного до смерти Сашку. - Надо пойти и посмотреть, что там.
 - Вот ты иди и посмотри, - выкрутился Игорь.
 - Ладно, всё равно это надо сделать, что бы все успокоились, - и Макс медленно направился к тому месту, где только что стоял старик.
- Затерявшись на некоторое время в зарослях камыша, найдя длинную перекосившуюся палку, он мелкими шагами стал заходить в глубь пересыхающего болота.
- Слушай, там, наверное, куча пиявок, - перешёптывались Олег с Игорем, - точно, они присасываются и пьют кровь, а потом заползают под кожу и делают ходы, пожирая человека изнутри, как червяк яблоко. От этих страшилок у Сашки волосы на голове встали дыбом. Он как заорёт во весь голос:
 - Макс, не ходи туда, там пиявки! - и со всех ног бросился к камышовым зарослям, размахивая руками. Максим обернулся и спокойным голосом проговорил;
 - Саш, успокойся, всё нормально, я уже почти нашёл.
- И на самом деле, стоя по пояс в воде, Макс, подцепив корявой веткой холщёвый мешок, подтягивал его к поверхности.
- Готово! - громко крикнул он, и направился к берегу, волоча за собой палку со злополучным мешком. Все столпились возле камышей.
 - Ну, что там, разворачивай скорее, - сгорали от любопытства Олег с Игорем, а Сашка, всхлипывая, стоял неподалёку и боялся подойти, словно из мешка должно выпрыгнуть нечто, от чего нужно во время успеть убежать.
- Присев возле свёртка на колени, Макс нервно стал развязывать слипшиеся от болотной воды края тряпки. Что-то внутри него неприятно сжалось, какое то не хорошее предчувствие.
- «Ну, не убил же он на самом деле бабку Дуню»!? - успокаивал себя Максим. И развязав холстину, замер. Замерли и Олег с Игорем, не моргая уставясь на содержимое мешка. Вокруг сразу как-то стало тихо или это они онемели от увиденного. Слёзы подкатывали к глазам Макса и комом скапливались в горле.
 - Вот сволочь! - процедил сквозь зубы Игорь.
- На тряпке лежали три маленьких комочка, мокрые и мёртвые. Щенки были уже большие, не в том возрасте, когда обычно топят. Рыжий, пятнистый и чёрный - все мохнатые и неподвижные.
- Макс резко встал:
- Надо было доставать быстрее!

- Да ладно тебе, всё равно не успели бы, далеко зашвырнул, гад! - Игорь наклонился и толкнул пальцем одного из щенков - реакции никакой. - Точно мёртвые.
- Я слышал, у кого-то во дворе собака оценилась, меня даже приглашали на щенков посмотреть, - скрывая слезы, прошептал Олег, - вот и посмотрел!
- Я у этого гада все стёкла повыбиваю, - сжимая кулаки, прошипел Игорь.
- Не надо. - Голос Максима был твёрдый и тихий, но в интонации было, что-то такое, от чего Олег с Игорем одновременно с опаской посмотрели на него.
- Всё равно ничего уже не вернёшь. Он просто старик, а у старых людей, чем жизнь проще, тем лучше, и щенки это всего лишь помеха.
- Но, он мог хотя бы попытаться их раздать, я знаю людей, которым нужны собаки, - не унимался Игорь.
- Мог, - сказал Макс, и подумал про себя: «Ведь, правда, мог же»! - Но не стал. Просто, нужно было быстрее доставать их из воды.
- Ага, а ещё лучше было - напасть на него у дороги и отобрать мешок силой, - съязвил Олег.
- Точно! - в знак поддержки, хлопнул его по плечу Игорь. - Помню, у нас в сарае прибилась собака и в скором времени родила щенков. Ходила за нами как приклеенная и заглядывала в глаза как бы извиняясь. А отец и говорит: - «Собаку можно оставить, а щенков надо утопить». Так она как будто поняла и на следующий день, куда то всех их и перетасила, а потом и сама пропала. Вот ведь как бывает
- Разговаривая, они совсем забыли про Сашку, который не некоторое время со стороны наблюдал за их реакцией, но, чувствуя, что долго так не выдержит, решил подойти поближе и послушать о чём это они так заговорщически перешёптываются.
- Выглянув из-за спины Максима, он ожидал увидеть всё, что угодно, но только не эти мокрые комочки.
- Это же щенки! - взвизгнул он от неожиданности, обрывая разговор, да и тяжёлые мысли мальчишек. Макс вздрогнул и машинально присел на одно колено перед Сашкой, закрывая собой мёртвых щенков.
- Саш, послушай..., - начал, было, он. Но Сашка, не моргая, смотрел в одну точку, вернее туда, где только что видел жуткую картину.
- Они, что все мёртвые? - тоненький голосок готов был разрыдаться горючими слезами.
- Да, захлебнулись в болоте. - Макс прижал дрожащего Сашку к себе. - Ребята, да накройте их, чем-нибудь.
- Вообще то, надо бы их похоронить, - отозвался Игорь. - Жалко бросать вот так.
- Похоронить! - воскликнул Сашка, - может, они ещё живы. Все ведь не могли сразу утонуть, вдруг один да выжил. Можно я посмотрю? - И он уставился своими большими влажными глазёнками на о чём-то задумавшегося Максима.
- А ты сможешь?
- Сашка утвердительно замотал головой, и медленно подошёл к уже начинающим околевать щенкам. Он, такой хрупкий, сел перед ними и стал ласково разговаривать с каждым, аккуратно поглаживая по мокрой шёрстке.
- Ты вот, такой чёрный, ну прямо как уголёк. Мы бы тебя так и называли - Уголёк. Нет, лучше Черныш. По-моему больше подходит Черныш. У тебя такие холодные уши.
- А тебя, я бы назвал Пятнашка, потому, что весь в пятнах, смотри, даже нос у тебя рябой.
- А ты, был бы Рыжиком. Такой пушистый и мохнатый, самый мохнатый из всех.
- Игорь медленно подошёл к Максусу.
- Слушай, он часом не рехнулся? Может его силой оттащить от них?
- Нет, оставь, если станем настаивать, будет только хуже.
- Но Сашка вдруг как закричит:
- Живой, один живой! Смотрите, он шевельнулся!
- Не может быть!?! - Олег с Игорем были уже возле него. Рыжий щенок и, правда судорожно вытянул лапы и заскулил.
- Живой, я же говорил! Я оставляю его себе! - и Сашка, улыбаясь во весь рот; заплаканными, но счастливыми глазами, вглядывался в подходящего к нему Максима. Он уже схватил щенка и прижимал к себе как самую любимую, драгоценную игрушку. Щенок поскуливал и пытался выбраться из крепких объятий.
- А назову я его - Счастливчик, потому что ему повезло. Это ведь ты его спас! - Сашка подошёл к Максусу и протянул ему щенка. - Смотри, какой рыжий и лохматый.
- Максим погладил Счастливчика и почесал у него за ухом.
- Саш, ты бы вытер его и согрел, а то он совсем замёрз.
- Сашка лихо стянул с себя майку и завернул в неё пыхтящего щенка.
- Я думаю, мама будет не против. Сначала он поживёт у нас в доме, окрепнет, а потом будет жить на даче - сторожить. - Разговаривал он сам с собой.
- Ага, и, что это он у тебя на даче будет охранять - деревянный сортир и картошку? - обернувшись через плечо, оборвал счастливую тираду, Игорь.
- Да хоть бы и картошку,- надув губы обиделся Сашка, и взглянул на Макса, ища поддержки.
- Я думаю, из него получится хороший сторож. - Похлопав его по плечу, сказал Максим.
- Ладно, чёрт с вами, - махнул на них рукой Игорь,- а этих надо бы похоронить.

Из окна потянуло морозной свежестью. На улице заорали коты. Капли воды медленно отсчитывали пульс в старом умывальнике. В голове туман, а во всём теле угнетающая слабость.

* * #

В тени, на берегу реки, прячась от полуденного солнца, мирно разместились две детские фигуры. Максим, облокотившись о шершавый ствол дерева; глубоко запрокинув голову, так, что окружающее земное пространство просто переставало существовать, напряжённо вглядывался в зелёные пятналисты на жёлто-синем атласе неба. Непослушные волосы шекотали плечи и спину. Колосок нервно подрагивал в напряжённо сжатых губах.

- «А если, вдруг, прямо сейчас выпадет снег: небо побелеет, листва покроется коркой льда, брызги кристаллизуются и всё начнёт умирать», - ему даже стало не много холодно от собственных мыслей, по телу пробежал лёгкий озноб.

- Макс, ты чего?

- Что? - вздрогнул Максим, возвращаясь из своей зимы в тёплое реальное лето.

- Тебе холодно? Ты дрожишь. - Маринка посмотрела на него с любопытством, на щеках заиграли кокетливые ямочки. - Я тебе про поездку на море рассказываю, а ты где-то в облаках летаешь.

- Да нет, я слушаю.

- Как же, знаю я тебя, - и Маринка снова принялась рассказывать про свои приключения.

Красивой её не назовёшь, но было в ней какое то сумасшедшее очарование. Каштанового цвета копна волос непослушно выбивалась из-под волнистого ободка, в кофейного цвета глазах проглядывали весёлые чёртики. Вздёрнутый носик и очаровательные ямочки - заставляли прощать все капризы и непостоянство.

- Ха, смотри, Люська так раскачала Сашку, что он сейчас заплачет, - завизжала Маринка. - Люсь, ты бы остановилась, а то, как бы качели не оборвались.

- А чего он, - заорала в ответ Люська, - вон уже, сколько катается, пусть слазит, другие тоже хотят.

Люся - была полной девочкой, но совершенно не комплексовала по этому поводу. Носила облегающую одежду, от чего часто получала в спину смешки и оскорбительные выкрики типа - «жиртреста» или «коровы». На, что Люська реагировала молниеносно. Резко оборачиваясь и подходя вплотную к обидчику, процеживала сквозь зубы: - «А ну пойдём, потолкуем кто из нас « жиртрест»».

В тайне она гордилась своей дружбой с Мариной. Ведь та была во дворе кем-то вроде «своей девчонки». Иногда она удивлялась, насколько легко Маринка заводит себе друзей. Подойдя к незнакомому мальчишке во дворе, она могла просто сказать: - «хочешь мороженное»? - и этого было достаточно для начала дружеских отношений. Так было и с Игорем из соседнего двора. Он как-то ковырялся в сарае, помогал отцу чинить мопед; Маринке было скучно, и она от нечего делать подошла и, прислонившись к стене, стала наблюдать за работой, а потом, видя, что Игорь собирается там кое-что подкрутить, достала из ящика с инструментами гаечный ключ и сунула ему в руку, Игорь от неожиданности обернулся, ну тут Маринка и сказала своё коронное - «Привет»! С тех пор они часто ходили на речку купаться, пока к ним не присоединился Максим. Люська сразу заметила Маринкин интерес. Хотя она и часто дурачилась с мелким Сашкой вдалеке от их компании, но Маринкина симпатия к Максиму просто бросалась в глаза. Игорь же сидел рядом с грустным, иногда даже недобрым выражением лица. И Люське его было просто по-человечески жалко.

Вот и сейчас раскачивая Сашку, она украдкой поглядывала в их сторону. Маринка о чём-то оживлённо рассказывала Максиму, который её совершенно не слушал. Честно говоря, Люська давно убедилась, что у Макса не всё в порядке с головой. Если Маринка сама заманивала к себе новых обожателей, то Макс ровным счётом не прилагал ни каких усилий для знакомства, скорее всего это его переманивали на свою сторону, так или иначе, он всегда был в центре скопления народа, и как будто сильно этого тяготился.

- «Да симпатичный, да не глупый», - давала ему мысленно характеристику Люська, - «но однозначно ненормальный. Приговор вынесен и обжалованию не подлежит»!

Вдруг она заметила вдалеке направляющуюся в их сторону фигуру:

- «Тьфу ты, да это же Игорь»! - расстроилась она про себя, - «ну всё, теперь без подколов не обойтись». Он быстро приближался, скидывая на ходу кеды и стягивая футболку.

- Привет жениху и невесте! - прокричал он издали.

- Это кто жених и невеста? - глазёнки Сашки сделались круглыми. Люська резко остановила качели:

- Ой, да перестань ты, - но Сашка уже готов был разрыдаться не на шутку.

- Исккупаться не хотите, вода отличная, тёплая. - Игорь подошёл уже совсем близко.

- Нет, мы уже купались, - резко ответила Маринка, давая понять, что он здесь лишний.

- Эй, Блоха, похоже, у тебя появилась конкурентка, смотри, как бы тебя не отправили в запасные, - с ухмылкой выговорил Игорь, принимая вызов.

- Ну, ты и силен, маленьких задевать, - встала на защиту Сашки Люська.

- Да нужен он мне, можешь оставить его себе для игры в дочки-матери.

У той от злости сжались кулаки:

- Вот сейчас как дам по наглой роже...

- С начало достань, ты ведь у нас такая гибкая!

Намёк на её вес, для Люськи был словно красная тряпка для быка.

- Так ладно, хватит. Почему бы нам и вправду всем не искупаться? Ты говорил, там есть хорошее место?

- сказал, поднимаясь, Максим, переводя тем самым разговор на себя.

- Да, место хорошее, но ведь это для девчонок - просто купаться, а давай вместе с нами с дерева прыгать.

- Нет, спасибо, ты же знаешь, я это не люблю. - Макс и правда не нравились эти глупые соревнования

- кто с большей высоты прыгнет, тот и победил. Он слышал, что один мальчик прыгнул и сломал себе ногу, говорили - повезло ещё, что не шею. И вообще, он не любил когда кто-то кому-то доказывал своё превосходство. На сегодняшний день пальму первенства держал Игорь, наверное, он просто хотел показать своё лидерство хоть в чём-то, перед Максимом, что бы Маринка могла понять, кого она теряет.

- В чём дело, ты боишься? Слушайте все, великий Макс трусил! - не своим, писклявым голосом закричал Игорь. Видно было, что его крик достиг ушей отдыхающих на берегу подростков.

Маринка как ошпаренная вскочила со своего места:

- Прекрати сейчас же, дурак, ничего он не трусил, просто у него есть мозги, в отличие от некоторых!

- Что, переживаешь, вдруг я окажусь лучше, и всеми обожаемый Максим всего лишь трус и слабак. Маринка готова была вцепиться ногтями Игорю в лицо. Но Макс подошёл во время, и, отодвинув собой взбешённую заступницу, впритык приблизился к Игорю. Тот никогда так близко не видел Максима; где- то внутри ему стало страшно, а Макс просто стоял и смотрел на него своими серыми глазами, только вена на лбу учащённо пульсировала.

- Мы уходим! - глубоким голосом сказал Максим, беря за руку Маринку.

- «Господи, слава Богу, мы уходим», - молилась она про себя, предчувствуя, что-то недоброе. Игорь сегодня совсем сбесился.

Люська, держа Сашку, обалдевшими глазами смотрела то на Максима, то на Игоря, то на Маринку.

Если от взгляда в упор Игорю и стало на мгновение страшно, то, видя удаляющуюся спину Макса, он ещё дольше разозлился.

- Трус! Не думал я, что ты способен уползать от трудностей, поджав хвост, - распалялся он всё больше и больше.

- Мой Максим не может быть трусом! - выпятив грудь, прокричал Сашка, вырываясь из Люскиного захвата.

Макс продолжал идти, медленно, но твёрдо. Тогда Игорь догнал его и прошептал в самое ухо:

- Ты так любишь себя, что боишься умереть!

Маринка с ужасом почувствовала на своей руке, как Макс ослабил хватку.

- Ты чего остановился? Мы же уходим! - цеплялась она за последнюю ниточку.

- С какой ветки прыгать? - тихо спросил Максим, оборачиваясь к Игорю. Его глаза побелели, черты лица обострились, взгляд был устремлён на Игоря, но словно не видел его, он вообще как будто перестал существовать. У того по спине побежали мурашки. И дребезжащим голосом он нерешительно выговорил:

- С верхней.

У Маринки кровь застыла в венах. В голове стучало только одно, «надо уходить». И вцепившись в руку Максима, так что пальцы оставили белые следы, она прошептала:

- Не надо!

Макс медленно развернулся, казалось, он был в трансе.

- Я это сделаю не для него, для себя, понимаешь? - голос был холодный и обречённый. Взгляд устремлён в одну точку, просачиваясь сквозь всё, что попадалось на пути. На лице - упрямство человека, решившегося на поступок ему не свойственный, но который пойдёт до конца, чего бы это ему не стоило. В серых глазах лёд и обречённое мальчишеское одиночество. Куда заведёт механизм саморазрушения запущенный детским максимализмом.

- Если не прыгну, не смогу дальше жить. Я не хочу быть пленником.

- Что ты несёшь, Макс, каким пленником? Ты ломаешь себе шею. Я тебя не пушу! - Маринка была готова сделать всё, что угодно, только не допустить этой неминуемой трагедии, которая как пропасть разверзалась у неё под ногами.

- Ты нравишься мне таким, какой ты есть, а не «сорви головой».

- А, что будет даже интересно, ведь это всего лишь прыжок, - казалось, Макс не слышал ни кого и ни чего.

- Послушай, я думаю, это Игорь из-за меня. Мне кажется, нет, я уверена, он просто ревнует к тебе, вот и подначивает, не знает, как побольнее укусить. Ты же не глупый, ты всё понимаешь. Ведь да?

Максим остановился.

- Тогда тебе лучше быть с ним, он хороший, он мой друг.

- А ты, как же ты? - Маринка уже готова была разрыдаться, слёзы щипали глаза, а в голосе проскальзывали картавые нотки.

- Как все! - ответил Макс и, высвободив руку, не оборачиваясь, пошёл по направлению к дереву.

- Ну и прыгай, и ломай себе шею, а мне наплевать! - закричала сквозь слёзы Маринка и бросилась бежать.

- Ты, что совсем одурел, - уставилась Люська в перекошенное лицо Игоря. - И чего ты добиваешься? Если Макс прыгнет, в чём я уже не сомневаюсь, ты просто окажешься в дураках и все твои победы «коту под хвост», а если он разобьётся, то никто тебя за это по головке не погладит. Мало того к Маринке больше не суйся - прогонит. Ну что ж, желаю тебе, до конца жизни мучаться угрызениями совести, за свой мерзкий поступок. Ты просто жалок.

- Сашка, мы уходим. Я не собираюсь смотреть, как по мальчишеской глупости ломают себе шею. - На одном

дыхании выпалила Люська, хватая того за локоть.

- Нет, я не пойду. Я хочу к Максиму! - закричал навзрыд Сашка, выдёргивая свою руку.

- Ну и чёрт с тобой, а я ухожу, - и нервно развернувшись, зашагала в ту сторону, куда только что убежала Маринка.

Сашка смотрел некоторое время удивлёнными глазами в её сторону, а потом стрелой побежал за Максимом.

Остановившись возле дерева, Макс запрокинув голову, был поражён его величием. Проведя рукой по шершавой текстуре, он ощутил тепло живого существа. Прижавшись щекой к влажной ноздреватой коже, Максим чувствовал стук его сердца бьющегося в унисон со своим. Он испытал такое спокойствие, что просто хотелось плакать, и все его беды, стенания казались такими пустыми по сравнению с вечностью. Макс словно смотрел на себя со стороны. Дерево впитало его сущность, как впитывает дождевую влагу, и он понял, что смерти не существует, есть только страх перед ней. Тревога и раздражение отступили, оставляя слепую благодарность к Игорю за возможность почувствовать не земную свободу. Вокруг стояла тишина. Вертикальная гладь воды заигрывала солнечными зайчиками.

Максим скинул кроссовки и лихо подтянулся на нижней ветке. Забравшись чуть повыше, он посмотрел вниз. Зная, что, прыгая отсюда, уже рискуешь покалечиться - дно в это месте не глубокое, да и течение сильное, всё равно полез выше. Вот он заветный предел, заветная черта между жизнью и смертью. Такая высота не оставляла ему ни каких шансов. Что он сломает - руку, ногу, а может шею? Ветка была толстая, но ближе к краю её начинало пружинить и раскачивать. Вокруг Максима всё закружилось в безудержном водовороте. Он стоял по середине, раскинув руки, а время нарезало свои круги, как кольца на поперечном срезе дерева. Кровь пульсировала в висках, сердце билось громче, но реже. Макс не боялся умереть - не сейчас, не так. Была страшна неизвестность. Внутри обжигало холодное чувство, что он всё сможет, надо просто закрыть глаза и полететь. Что страх только здесь, сейчас, в полёте его не будет. Нужно постараться всего лишь убежать от самого себя, закрыть глаза и прыгнуть. Оттолкнувшись, раскинув руки Максим, погрузился в бесконечную пустоту.

* # *

Слёзы горячей солью стекали по лицу и острыми иголками впитывались в кровоточащие ранки, замирали на онемевших губах. Макс жадно слизывал солёную воду пересохшим языком. На лбу выступила испарина. Ему было больно: больно - от так не вовремя нахлынувших воспоминаний, которые выворачивали внутренности наизнанку; больно - от окружающей жестокости, которую ни чем не возможно изменить; больно - за свою слабость, водой сочившуюся из глаз; больно - за почти не земную потребность в любви. Да, прижавшись, горячим лбом к холодной стене, вдавливаясь в неё со всей силы, всё, что хотел сейчас Макс - упасть на колени перед любимым, родным человеком, зарыться лицом в прохладную нежность одежды и целовать руки, плечи, колени, отдавая всю свою запретную, нерастраченную любовь, чувствуя всепоглощающую взаимность. Это было настолько реально, что он ощущал кожей болезненность своих желаний.

- «Хватит!»! - Макс сжал кулаки и со всей силы ударил о стену, словно пытаясь разбить выстроенную перед собой преграду. Посыпалась штукатурка и где-то, было слышно, как отвалился кусок покраски. На тыльной стороне руки лопнула кожа и выступила сукровица.

- Хватит! - этот крик такой неожиданный, как комок нервов, вырвался наружу, и эхом пронёсся по всему коридору. Макс испугался своего голоса. Его тело обмякло, и он медленно опустился на колени, как в детстве зарывшись руками в запутанных волосах.

Мысли царапались в голове как назойливые насекомые. Горячими ладонями, сжимая вески, Максим пытался заглушить их навязчивое брюзжание.

- Болезнь опять вернулась к тебе, Макс, - пищало маленькое желтобрюхое насекомое похожее на клопа.

- Тебе не выкрутится, ты такой слабак, - шелестел обпившийся кровью клещ.

- У тебя талант попадать в дурацкие ситуации, - вторила ему блоха.

- «Хватит, замолчите!»! - Макс резко замотал головой из стороны в сторону.

- «Замолчите, замолчите», - эхом повторяли, перепутавшиеся как спички в коробке, насекомые.

- «Глупые мыслишки вы специально сводите меня с ума!»! - Он всё сильнее впивался ногтями в кожу головы.

- Ты сам сводишь себя с ума, да сам! - не унимались голоса.

- Ну, кто из вас говорит правду, кто настоящий?

- Ха, ха, глупец, мы все настоящие. А ты в двойне глупец, если слушаешь нас, ища ответы на свои вопросы. Мы всего лишь отзвуки того, что ты хочешь услышать. Ты забыл, что надо сделать? Почему бы тебе не завершить свой акт жертвоприношения и не вернуть измученное животное одинокой девочке.

- «Капа!»! - Макс открыл глаза и мысли растворились как сливки в кофе, оставив горький привкус полыни в голове.

Кошка выглядела ужасно. Похоже, за эти пол часа она растеряла все свои восемь кошачьих жизней и изо всех сил цеплялась за последнюю.

- Вот чёрт! Надо что-то делать! - Максим всё ещё прижимал её к своей груди. Бесформенный, мягкий комочек был

тёплым, только уши настороженно подрагивали, и сердце тарахтело как испорченный секундомер.

- Хорошо бы отнести её Агате. - Макс бережно отстранил от себя кошку и осторожно правёл ладонью по мокрой шерсти. Капа выпустила когти и вцепилась ему в футболку.

- Ладно, я понял, ты живая! Но как же от тебя воняет керосином. - Он огляделся, и взгляд его остановился на двери ведущей в уборную. Всего несколько шагов. Но как?! Опираясь свободной рукой, Макс медленно поднялся. Ноги затекли и не хотели подчиняться. Разбитое калено дало о себе знать такой жуткой болью, что, стиснув зубы, Максим, резко вздрогнул, сильно ударившись затылком о стену. В глазах поплыли красные круги, и резко затошнило. Из носа опять пошла кровь. Вытерев ладонью красную сукровицу, опираясь плечом, он, осторожно перетаскивая ноги, шёл вдоль стены.

- «Надо идти, нельзя останавливаться».

Несколько шагов в темноте наедине с болью и собственным бессилием. Преодолей этот путь, заверши череду бессвязных обрывков собственных поступков. В чём смысл пути - смысл в его преодолении. В голове звучала музыка, словно через невидимые наушники проникала в кровь. Такая чистая и невинная, что всё внутри растворялось, соединяясь с этой бесконечной мелодией. Максу было всё равно, увидят его или нет, наденут ли смирительную рубашку или накачают наркотиками; оставляя на стене красные отпечатки ладони, он шёл и слушал музыку внутри себя.

В уборной было жутко холодно. Выстроившиеся в ряд умывальники своей остроконечностью придавали помещению враждебный и депрессивный вид. Из кабинок воняло замороженными экскрементами с примесью хлорки. Оперевшись о раковину, Максима стошнило водой и выворачивало ещё несколько раз впустую. Вытирая губы, он вспомнил, что с утра прошлого дня ни чего не ел.

- «Что ж, в моей ситуации это даже и к лучшему», - подумал он, протирая рукой запотевшее зеркало.

- Кто ты, призрак с белыми глазами?

- Это я, твоё отражение, - отвечало зеркало.

Макс не узнал себя - чёрные как смоль волосы слиплись от крови, на скуле сильный кровоподтёк, губа разбита, под носом засохшая сукровица. Максим открыл кран и вода оглушительно зашипев, обдала его морозным холодом. Он наклонил лицо под струю и позволил воде бежать, так как ей вздумается: затекая за воротник, проникая в уши, стекать по волосам. Смахнув остатки влаги тыльной стороной руки, Макс подтащил забившуюся на подоконнике Капу к умывальнику.

- Я знаю, будет холодно, потерпи! - и он успокаивающе почесал её за ухом. Потом тщательно намылил хозяйственным мылом и стал смывать горьковатую, пенистую жижу. Он тёр её так, как будто сам хотел отмыться от этой грязи. Запах керосина с кровью казалось, впитался в него до самых костей. А он всё тёр и тёр, стараясь вместе с кожей рук содрать это напоминание о болезненной жестокости, в которую был так безжалостно втянут. Из носа опять пошла кровь, капли шариками падали на мокрую шерсть и вмешивались в мыльную пену. Похоже, кошке стало больно, она зашипела и впиалась когтями Макс в руку. Он вздрогнул и медленно закрыл булькающий кран. Из окна подул смертельной тишиной.

- Чёрт! - выругался, поёжившись, Максим, - как ещё всё-таки темно в коридоре.

Он осторожно, на ощупь, пробирался в лабиринте дверей. Руки от холодной воды замёрзли и больно покалывали в пальцах. Он толкнул локтем первую попавшуюся дверь и шёпотом позвал в темноте:

- Агата!

Тишина. За следующей дверью тоже гробовое молчание.

- «Почему же никто не отзывается»?

Рука, прижимающая кошку, онемела и не хотела подчиняться. Вода стекала с волос и просачивалась за воротник. Макс хотел, чтобы всего этого не было - этой больницы, этих санитаров и этой постоянно ускользающей дверной пустоты. Он чувствовал, что заболевает, что его мозг начинает отторгать окружающую действительность. Цепляясь за последнюю ниточку, мокрый, с безумными глазами, он громко крикнул:

- Агата!

Эхо подхватило имя и как по электронной сети разнесло в каждые тайники этих закрытых помещений. Максим не двигаясь, стоял и прислушивался. Сердце стучало как барабанная дробь. Где-то послышались торопливые шаги, суматошное шуршание и, наконец-таки скрип приоткрывающейся двери.

- Макс, это ты? Что случилось? - сонный, тихий голосок явно принадлежал Агате. Небольшой светлый силуэт отделился от двери.

Максим глубоко вдохнул в себя воздух и резко направился к знакомому голосу. Агата смотрела на него огромными глазами, казалось, она пытается понять, что происходит. Свободной рукой он аккуратно взял пригравшуюся на груди кошку и мягко толкнул её в руки девочки. Кошка зафыркала, но, почувствовав кого-то родного, уютно замурлыкала.

- Ой! - вскрикнула Агата, - это же Капа, Капочка! Я так давно тебя искала! Где ты была? Господи, какая ты мокрая.

Макс стоял и смотрел с высоты своего роста на щебетание Глаши, и слёзы как туман застилали его глаза. Значит всё правильно. Он сделал всё как надо. Так должно было быть. За это время пребывания в больнице он понял, как одинока Агата, и как нужна ей эта кошка - это существо которому она может подарить свою невостребованную заботу и любовь. В принципе, думал Максим, Агата и эта кошка так похожи, что, спасая кошку, он подсознательно спасал и девочку.

Чувство тяжести в голове вернуло его к реальности. И ещё он понял, что ему здесь больше не место. Пора уходить.

Макс быстро развернулся, и такое долгожданное спокойствие теплой волной растеклось по его уставшему телу. Он уверенно шёл к своей палате, когда Агата обогнала его и загородила собой дорогу. Чуть ли не плача, она как безумная прижалась к нему, обнимая своими тоненькими руками, и затихла, словно дождалась того, чего давно хотела сделать. Макс

тоже молчал. Он знал, что нужно попрощаться, но не знал как лучше и безболезненное всё закончить. Первой нарушила тишину Агата. Она подняла свою острую мордочку и сквозь слёзы сказала:

- Ты же весь мокрый, и у тебя кровь на лице!

- Знаю, - тихо ответил Максим. Он пытался освободиться от объятий, но, чувствуя это, она ещё сильнее к нему прижималась.

- Ну, хватит Агата, мне нужно собирать вещи, - он думал, что грубостью оттолкнёт её. Но девочка ещё больше насторожилась, и как маленький щенок почувствовавший опасность быть брошенным, вся сжалась в комочек.

- Значит, ты уходишь?

- Да! - надо сделать всё как можно быстрее, думал Макс, чем быстрее, тем не так больно.

Он положил руки на хрупкие плечи Агаты и мягко отстранил ее от себя,

В палате было уже светло. Долгожданное солнце вытеснило безумные призраки прошедшей ночи. Максим быстро собирал свои вещи - слава Богу, их было не так уж и много. Боясь обернуться в сторону двери, он внутренне чувствовал её тревожный взгляд. Накинув пальто, повесив на плечо спортивную сумку, Макс подошёл к двери. Агата стояла в стороне.

Внутренний голос говорил ему: «иди, иди быстрее, иначе ты пропал, иначе боль опять завладеет твоим разумом, убегай из этого сумасшедшего дома». Глубоко вздохнув, он резко направился к выходу. Взявшись за ручку двери, уже почти повернув её, рука соскользнула и замерла в пустоте.

- «А, гори всё, синим пламенем», - подумал Макс, - «я и так уже давно пропал».

Он быстро обернулся и замер.

В конце коридора стояла девочка, прижимая к груди дымчатую кошку. Белая рубашка оттеняла её пастельного цвета кожу. Жёлтые веснушки звёздами рассыпались по рукам и вздернутому носику. Босые ноги жались друг к другу как маленькие котята в поисках теплоты. Растрёпанные волосы непослушными прядями торчали в разные стороны, и солнце играло в них оранжевым цветом. В глазах дрожали озёра, и слёзы стекали по покрасневшимся щекам. И вся она как бы светилась изнутри. Максим бросил сумку, и, подойдя, опустился перед ней на колени; притянул её заплаканное лицо к себе.

- Послушай, у тебя всё будет хорошо! - голос не слушался его. - Ведь всё будет хорошо? Обещай мне!

Агата всхлипнула и вытерла нос рукой.

- Обещаю! А теперь иди.

Макс поднялся, он хотел прижать её к себе, утешить, но испугался нахлынувших чувств.

По пути быстро подхватил сумку и, не задерживаясь, резко открыл дверь.